

ОЛИВИЯ ТИШИНСКАЯ
У Истока. Хранители

Том 3
Пробуждение

18+

**СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ**

У Истока. Хранители

Оливия Тишинская

**У Истока. Хранители.
Том 3. Пробуждение**

«Автор»

2023

Тишинская О.

У Истока. Хранители. Том 3. Пробуждение / О. Тишинская —
«Автор», 2023 — (У Истока. Хранители)

Ведьма после мощной трансформации и принятия своего истинного пути снова возвращается в город. Минул всего год. Но ощущение, что в мир возвращается совершенно другой человек рождённый заново, прошедший отдельную совершенно иную жизнь. Пространство как будто изменилось и внезапно возвращается её первая любовь. Теперь она, наконец, всё знает о них двоих, о том, почему их развела судьба тогда, много лет назад, и зачем она соединяет их вновь. Только теперь начинается их истинный путь. Она уже знает, она уже готова. Она - великий воин света. И он тоже. И теперь им нужно спасти человечество.

© Тишинская О., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Глава 1. Только ты	5
Глава 2. Веришь	10
Глава 3. Я – Свет	13
Глава 4. Ведьма и Хранитель	17
Глава 5. Ничего не бойся	20
Глава 6. Приют	22
Глава 7. И пылают костры	25
Глава 8. Неизбежность	29
Глава 9. Отражение	32
Глава 10. Нас видно	34
Глава 11. Благословляю	36
Глава 12. Твои глаза	39
Глава 13. Закаты не повторяются	43
Глава 14. Под защитой	46
Глава 15. Кто мирозданье сотворил	50
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Оливия Тишинская

У Истока. Хранители. Том 3. Пробуждение

Глава 1. Только ты

Дверь тихо отворилось, мелодично звякнули от сквозняка трубочки музыки ветра – подарка старого клиента.

– Добрый день, чем могу помочь? – услышала она голос администраторши.

По спине пробежали холодные колкие мурашки, как если бы это был он.

Она повернулась. Через долю секунды и он отвёл глаза от администраторши, ещё не успев ей сообщить цели визита.

– Я ждала, – только и ответила ведьма.

– Проходите, пожалуйста, – мгновенно оценила ситуацию администратор.

Он кивнул и направился к ней.

– Дай мне пару минут и поговорим, – остановила его она.

Он снова кивнул.

Девушка-администратор уже была рядом:

– Я провожу Вас в кабинет.

– Спасибо, – наконец сказал он.

Ведьма улыбнулась и отвернулась к коллеге, продолжив обсуждать какие-то изображения в толстом глянцево-м журнале.

Когда она вошла в кабинет, он стоял у окна, держа в руке крошечную кофейную чашечку.

– Надо побольше кружки купить для особых гостей, – она снова улыбнулась и показала рукой на кресла у окна.

Он с любопытством разглядывал её. Она молчала, не торопила.

– Хорошо выглядишь, – наконец решился он. – Офис симпатичный, уютно у тебя.

– Спасибо, рада тебя видеть. Давно мы кофе не пили вместе, – сказала она, пытаясь скрыть волнение.

– Три года почти.

Ведьма чуть кивнула.

Встала:

– Пожалуй, сделаю кофе сама, у меня как раз есть побольше пара.

– Помочь? – вдруг предложил он.

Лёгкий румянец скрыть не удалось. Она кивнула.

– Ты сказала, что ждала... – начал он.

– Да. Как обычно?

Он взглянул на неё как-то грустно, нежно. Она чуть помедлила и отвела глаза. Положила по две ложки сахара и кофе в одну кружку и по одной в другую.

– Как обычно, половинку? – спросил он, поднимая чайник.

На этот раз она улыбнулась:

– Извольте, сударь, – голос чуть дрогнул.

– Совершенно случайно у меня есть шоколадка с фундуком, – сказал он, не глядя на ведьму.

– Старый ловелас, – не без иронии в голосе ответила она.

Он поднял одну бровь, и бросил на неё свой фирменный взгляд, который всегда заставлял её смеяться: да, я такой, я крут и я знаю об этом.

По иронии судьбы, у неё был такой же, ровно с тем же умением, поднимать только одну бровь в знак удивления. Вторая была как мёртвая. Их бесконечно забавляло это сходство и вызывало море завистливых злых шуточек у их университетских друзей, типа они так стремятся подражать друг другу, так изо всех сил демонстрируют своё сходство и единство как пары, что это противно. А они не обращали внимания. По началу. А потом всё рухнуло. Знать бы тогда. Видеть. Уметь то, что она умела сейчас. Сейчас... Сейчас бы всё было иначе. Сейчас у них всё было бы общее, в том числе этот офис.

– Не такой уж я и старый, – чуть игриво сказал он, разламывая шоколадку на маленькие кусочки прямо в упаковке. – А седина...

– ... тебе к лицу, к тому же её ещё разглядеть надо, – закончила она, и почувствовала, как краснеет.

Он не сводил с неё глаз, а она перестала моргать и тихо тонула. Весь мир исчезал, как и раньше. Она ничего не видела, кроме его глаз. Да и он тоже. Она как всегда отвела глаза первой, в очередной раз до глубины души поразившись силе хранителя и какой-то безапелляционности, с которой всё её существо доверяло ему и его магии. Причём ключевым словом было «доверие». Иначе воину и его хранителю попросту не выжить. Она вдруг поняла, что не дышит, попросту забыла. Едва улыбнувшись, она опустила глаза и выдохнула, отпила глоточек кофе.

– Ты просил о помощи. Это хорошо, потому что теперь я могу помочь.

– Эээ, щас не понял. Вообще я думал, что мой визит будет для тебя сюрпризом, жаль не вышло. Но я действительно хотел с тобой поговорить, кое о чём, что не даёт мне покоя.

– О снах. Они пугают тебя...

– Ты меня тоже пугаешь немножко. Откуда ты всё знаешь? Хотя, если сны – правда, тогда... – сказал он, поднимая кружку не за ручку, а обхватив своей большой рукой прямо так.

– Твои сны меня тревожат.

– Ты видишь то же, что и я? – удивился он.

Она отрицательно покачала головой:

– Я вижу, что ты меня зовёшь во сне, вижу твоих врагов, вижу, какое воздействие они на тебя оказали. Кое-что могу устранить, когда ты просишь о помощи.

– Я видел и тебя, и видел, как ты с ними расправлялась. Как в кино: ты такая супергероиня, сверхсила, какие-то демоны что ли. Вроде как не слишком реалистично, понимаешь?

– Там вообще не так, как в этом мире. Я не сильно удивлена. Разве что словом «супергероиня».

Он лукаво улыбнулся:

– Ну, как-то так. И, ты знаешь, я понимал, что ты победила, и мне становилось легче. Но, малыш, это продолжается уже полгода. Я стал беспокоиться о тебе, тем более, что и в реальной жизни кое-кто из них нарисовался вновь и события, факты, люди стали всплывать и складываться в чёртов пасьянс, которого я раньше не видел. Когда ты приходила во сне и спасала меня, в реале тоже всё менялось. Выплывали ещё более чудовищные подробности, люди выворачивались буквально наизнанку и там, где раньше было всё как обычно, вдруг такие вурдалаки оказывались. Каждый раз, как ты появлялась во сне, наяву у меня будто глаза открывались. Я теперь понимаю... Тогда... что тогда всё было не так просто и что они... То есть, мы...

– Расстались не просто так, – закончила она дрогнувшим голосом.

Она медленно поставила кружку на стол и попыталась восстановить дыхание, потому что подступили слёзы, а реветь ей никак не хотелось. Это она только что победила во снах его, их общих врагов. Это к ней он пришёл за помощью... Или чтобы защитить её?

– Малыш, ты же знаешь, я ... – он пытался подобрать слова, но что-то ни в голове, ни на языке не клеилось.

Слеза предательски шлёпнулась на её сложенные в замок руки.

Он подхватился, чтобы обнять её и утешить, но вдруг запищал внутренний телефон. Она встала, не глядя на хранителя, и отошла к столу.

– Да, – ответила она в коммуникатор по-деловому сухо.

Приятный мужской голос вежливо поинтересовался, есть ли у неё контакты с кузнями, сообщил, что есть интересный заказ, а прошлым подрядчиком заказчик остался недоволен.

Она повернулась к хранителю. Он смотрел на неё с нескрываемым сожалением, как будто одним взглядом пытался извиниться за всё сразу.

– Секунду, Саш, у меня как раз на эту тему встреча, повиси, – она нажала кнопку на коммуникаторе и кивнула.

– Да, – ответил он на её незаданный вопрос, – кузня работает, делаем всё. Могу меч выковать. Могу забор. Розу могу сделать, как живую...

– Я приглашу дизайнера? Поговоришь сразу? – она пыталась придать голосу деловитость. Но взгляд кричал: мне тоже невыносимо жаль. – Саш, зайди минут через 5, мы сейчас закончим со своими переговорами и посмотрим, что у тебя там, лады?

– Спасибо, шеф, уже на низком старте! – радостно сообщил мужской голос. Коммуникатор пискнул, отключаясь.

– Голова кружится, – тихо сказала она, садясь на стол.

Он быстро подошёл и обнял её, уткнувшись лицом в пахнущие сиренью и чем-то цитрусовым волосы. Она несмело обняла его, прижалась, как будто перестала дышать.

– Ты так защищала меня там, во сне, кажется, умирала. Это было невыносимо. Я должен был знать, что с тобой всё в порядке. Если бы ничего не сказала сама, я бы не решился, наверное, подумал, это бред какой-то. Даже не предполагал, что такое может быть. Я пока ничего не понял, но ты должна мне рассказать, как у тебя получается видеть то же, что и я. Ты же не откажешься со мной встретиться ещё?

– У тебя вариантов нет, – ответила она глухо, не поднимая лица от его груди, – через пару минут здесь будет мой сотрудник с длинным и сочным контрактом, который ты возьмёшь.

– Это приказ? – попытался пошутить он, глядя её по волосам.

Она покачала головой:

– Нет, просто я вижу будущее. Немного спонтанно и не всё, что хочу. А жаль. Я вместе с тобой узнала, что у нас есть в проекте кованные вещи. Три минуты назад. И сразу увидела, что будет дальше.

– Не может быть, – он отстранил её, смотрел немного удивлённо.

– Нас ждёт очень-очень... очень-очень длинный разговор, хранитель.

– Хранитель? Кто? Я?

Она только покивала.

– Мне надо быстро привести себя в порядок, – чуть строже сказала она. – У нас же тут переговоры, а не...

– Хорошо, шеф, но ты и так прекрасна...

– Ага, особенно потёки слёз по щекам великолепны. А то решат подчинённые, что я у тебя вымаливала контракт, заливаясь слезами, – она чуть улыбнулась.

– Тебе никто не поверит, – со знанием дела ответил хранитель.

Она иронично вскинула бровь. Он широко улыбнулся.

– Сашка остался от тебя в восторге, – сказала она, вернувшись через несколько минут в кабинет, – умеешь ты производить впечатление на людей. Спрашивает, умеешь ли шпалы руками гнуть?

Хранитель хохотнул:

– Не знаю. Не пробовал. А надо?

– Не обязательно. Ну, ты видел Сашку, он такой типичный дизайнер: тяжелее каталога ничего не поднимет.

– Особенно его выдаёт старая бабушкина кофта. И причёсочка эта.

– Кардиган. Ну, милый, он в тренде.

– А я нет?

– Брутальные мужики – это отдельный стандарт.

– Щас я должен расцвести от счастья? – усмехнулся он.

– А когда ты завянуть успел? – она вскинула бровь.

Он не ответил, снова завис на ней, слегка улыбаясь, не моргая, не двигаясь. Опять повисла тишина и всё растворилось.

«Как я раньше боялась этого, – подумала ведьма, – как не понимала, что это оно. Точнее, она. Та самая любовь, когда слов не нужно. Чёртов морок, чёртовы черти! Как же всё исправить?»

Опять раздался писк коммуникатора. Она отвела глаза и сокрушённо покачала головой.

– Наверное, мне пора, – вдруг сказал он.

Она слегка побледнела, умоляюще глядя на него.

– Может, вечером встретимся?

Она кивнула, чувствуя, как холодные мурашки маршируют куда-то вверх до самой макушки. Встала, чтобы проводить его до двери.

– За тобой заехать? – спросил он, подходя ближе.

– Я на машине. Может, в «Нашем месте» в 7?

– Это где? У нас этих мест...

– Это семейный ресторан на Тихомировской.

– Оу, – он широко улыбнулся, – точно, слышал, был. Буду.

Он притянул её к себе и медленно нежно поцеловал.

– До вечера, малыш.

А затем развернулся и вышел, не оглядываясь.

Ведьма закрыла дверь, тихо опустила на стул и запустила пальцы в волосы, они рассыпались волнами по рукам, спрятав её от мира.

– Что же делать, как сейчас не упустить шанс всё исправить, как защитить его уже тут? Господи, Великий Исток, ну почему всё так сложно?

Холодными руками прикоснулась к губам, которых только что касались его губы. Голова кружилась, ноги не держали вообще. Надо было срочно собраться. Они не дадут. Они нападут снова. Не может быть, чтобы всё было так просто. Слишком легко, слишком хорошо. Защиты! Илья, помоги!

Она с трудом встала и подошла к столу:

– Мира, минут 15-20 меня не трогать, срочно надо доделать кое-что, совсем забыла о времени. Что-то важное было?

– Нет, – ответил коммуникатор вежливым голосом, – просто хотела предложить гостю что-нибудь к кофе, как-то неудобно получилось, я не знала, что у Вас встреча, не купила ничего.

– Не переживай, гость взрослый дядя, одними твоими печеньками его не прокормишь, так что без лишней суеты, – усмехнулась она.

Мира на том конце провода рассмеялась:

– Хорошо, я поняла, 20 минут тишины обеспечу. Спасибо.

– Господи, мне-то за что? – удивилась ведьма.

– Вы добрая, шеф, – тихо сказала девушка и отключилась.

Ведьма только развела руками:

– Я добрая ведьма, это хорошо. А теперь поработаем.

Она достала из чёрного рюкзака кожаную книжку, перевязанную лентой, и принялась быстро листать. Страницы, уже давно не белые, были густо исписаны мелким почерком, пёстрые от картинок, каких-то символов, стрелочек, табличек, топорщились от вклеенных позднее листочков. Пару раз пролистав тетрадь, она нашла несколько страниц с каким-то частоколом символов и небольшими пометками на русском, вытащила из-за корешка чёрный карандаш, скинула пиджачок, задрала рукав шёлковой блузки по самое плечо, и, что-то шепча, стала быстро и уверенно чертить ровные палочки, закорючки и прочие непонятные витиеватости прямо на коже. Карандаш оставлял странный толстый чёрный след, больше похожий на след фломастера. Потом она спрятала карандаш, накрыла рукой надпись и что-то проговорила, медленно провела по руке, как будто стирая надпись, и она действительно заметно поблекла, как будто впиталась: сероватыми стали буквы на покрасневшем предплечье.

– Теперь для тебя, любимый, – сказала она шёпотом.

Уже уверенно она открыла нужную страницу, заложила тем же карандашом, из-за форзаца достала лист самодельной бумаги, медленно и глубоко дыша, написала ровно посередине его имя. Заметно надавливая на грифель, уверенно стала окружать его несколькими рядами таких же непонятных символов. Свернув лист в маленький конвертик, она спрятала его в нагрудный карманчик пиджака и откинулась в кресле. Подтянула поближе тетрадь, из-за обложки достала фотографию: она, хранитель и светловолосый зеленоглазый парень.

– Илюха, помоги, – позвала она, едва касаясь пальцами лица широко улыбающегося зеленоглазого парня.

Глава 2. Веришь

Частный детский сад был похож на тюрьму строго режима. Непрístupная крепость за двумя заборами, не сразу-то и поймёшь, что тут дети растут.

– Мы некоторое время ходить не будем, – сказала ведьма воспитательнице, пока малышка, старательно высунув язык, одевала сандалики.

– Хорошо, не беспокойтесь, справочку принесёте тогда и денёчка за два-три сообщите, чтобы мы запланировали на неё питание и расходники для занятий.

– Разумеется.

– В отпуск едете? – вежливо улыбаясь, поинтересовалась воспитательница.

«Лишний вопрос», – насторожилась ведьма.

– Много планов, хочу сюрприз ей сделать, – подмигнула ведьма воспитательнице, типа: мелкая услышит, не могу сказать.

– О, как здорово, – улыбнулась воспитательница, – молчу-молчу.

Ведьма быстро сложила в пакет детские вещи из шкафчика, успевая, однако, проверить, нет ли на них чего лишнего.

– Попрощайся, – сказала она мелкой.

– Пока-пока, Викигня! – помахала рукой малышка.

– До встречи, Виктория Игоревна, – сказала ведьма, – постараемся выучить-таки Ваше имя.

Та махнула рукой:

– Мне нравится и так. Хорошего отдыха, ждём вас!

– Мы пока не будем ходить в садик, ладно? – сказала ведьма, посадив малышку в машину.

– Пасиму? – расстроенным голосочком спросила та.

– Есть кое-какие дела, нужна твоя помощь.

– Плавда? – удивилась мелкая.

– Ага, хочу тебя познакомить с одним человеком. Интересно твоё мнение. А ещё, – добавила она радостно, – мы сегодня ужинаем в ресторане! В котором куклы и зайцы в корзинках!

– Ула! – запрыгала девочка в автокресле.

– Добрый день, – поздоровался официант и подмигнул малышке, – рады снова вас видеть.

– Лома, иет, как дева? – помахала рукой та.

– Супер, – ответил парень. – А у тебя, кнопка?

– Вучше сех!

– Молодец!

– Роман, нам как обычно. Но сегодня у нас будет гость. Мы попозже ещё вас позовём.

– Разумеется, – кивнул парень и удалился.

Ведьма чувствовала, как холодеют руки, просто невыносимо. Дикая внутренняя паника не давала сосредоточиться и банально заглянуть в будущее хотя бы на пару шагов, чтобы точно знать: он придёт. Она надеялась, что они ещё не готовы напасть, не узнали, не почувствовали. «Пока всё нормально. Есть время для защиты, есть время для разговоров. Есть время подготовиться. А вдруг не придёт? Да, блин, хватит истерить!»

– Ваш очень горячий кофе и ваш клубничный чизкейк с тёплым молоком, – услышала она голос Романа и дежурно улыбнулась.

Она попыталась согреть ладони о чашку, пока пальцам не стало слишком горячо, и только тогда сделала первый глоток.

– Я помню, что ты не очень любишь живые цветы, потому что они вянут, и купил тебе какой-то куст в горшке, – сказал хранитель, ставя напротив кружки какого-то зелёного ёжика в мелких розовых цветочках.

– Привет, ребёнок, как тебя зовут? – спросил он малышку, усаживаясь напротив ведьмы.

– Мамин юбиный цветочек меня зовут! – гордо ответила малая. – А ты кто?

– А я, цветочек, кузнец Вакула из сказки, – подмигнул он.

– Ух ты, настоящий? – всплеснула руками девочка.

– Можешь потрогать, – он протянул ей раскрытую ладонь.

– Ого, вапа, – изумилась та и тут же посадила на неё какого-то местного тряпичного зайца, – смотли, заяц, какая вапища, можно даже два зайца посадить.

– Да, – тут же ответил писклявым голосочком заяц, – а давай возьмём его иглать, будет наша машина, би-би!

Хранитель широко улыбался, малышка безраздельно властвовала над его лежащей на столе рукой. А ведьма изумлённо наблюдала за этим мгновенным соединением двух любимых ею людей. Рядом молча стоял Роман, ожидая хоть какой-то паузы в этой семейной идиллии.

– Лома, принеси Вауле покушать, ему нужен бизин. Он – машина!

– Ой, – встрепенулась ведьма, – Роман, простите. Я что-то...

– Всё в порядке, – предупредительно ответил парень, – у нас семейный ресторан. А семья – это главное.

– Тогда семья будет ужинать, потому что кузнец голодный как большой дrrrrракон, – зыркнул он на малышку.

Та спешно убрала игрушки:

– Зайцы, бегите. Длакон! Вауля, помоги!

– Это будет бесконечно продолжаться, – улыбнулась ведьма. – Цветочек, давай Вакула закажет покушать, и мы все поужинаем тут, потому что дома мы будем очень поздно.

– Ну, вадна, – немного театрально обиделась дочка.

Ведьма ела молча, пытаясь не смеяться всё время, потому что хранитель и дочка не переставали придумывать игры, есть, сражаться на вилках, делиться вкусными кусочками, строить рожицы и вообще вели себя так, как будто вечность знакомы. Она понемногу успокоилась. Чувствовала, как его уверенность, спокойствие распространяются и на неё, вроде бы защиты раскрутились и начали работать, периодически напоминала о своём присутствии на руке, слегка щекотало что-то. Работало. Конвертик в кармане она не трогала. Хранитель пришёл, это очевидно. Значит, пока всё нормально.

Настроения разговаривать о сложном тоже не было.

– Поговорим ещё, хорошо? – он коснулся её руки.

Она молча кивнула.

Роман принёс ещё кофе и сок для мелкой.

– Я сейчас вопну, – сказала малышка и откинулась на диванчике. – Мама, выпей ты.

– Обязательно, – наконец открыла рот ведьма. – Отдохни, ураганчик.

– Ну что, отложим?

– Не знаю даже, что сказать, так хорошо и спокойно. Я могу вас защищать и надеюсь, что вскоре ты вспомнишь, как ты это делал раньше. Тогда мы все вздохнём...

– Раньше?..

– Раньше. В прошлых жизнях.

Он откинулся на диванчике, недоверчиво глядя ей в глаза. Но ни тени иронии не заметил, наоборот.

– Не сомневайся, я не сошла с ума. Да ты и сам знаешь. Твои сны тому подтверждение. И то, что я о них знаю.

– И то, что защищаешь меня. Там.

– И тут. Пока одна справляюсь. Но это ненадолго. Мы и они разные. И мы им мешаем. Мы как ворота на входе в рай. Через забор не перелезть. Можно войти только через ворота. Дело не в той тупой тёлочке, хотя вот зараза, она как раз оказалась настолько гнилой... Всё куда сложнее. Настолько сложнее, что я не знаю, с какого конца и начать...

– Ну, она зря старалась, чтоб ты знала, хотя её появление во сне вместе с тобой меня сильно тревожит. Я не хочу на этот раз всё упустить... – его голос чуть дрогнул.

Она едва не забыла, как дышать. Именно этой фразой она сегодня провожала его из офиса.

– Я знаю, что происходит, но не знаю с чего начать...

– А сейчас надо начать с «одеяла и подушки ждут ребят», – кивнул он в сторону мелкой.

Ведьма повернулась к дочери. Та, уцепившись за двух местных зайцев, явно засыпала, еле открывая глаза и уже безвольно склоняя голову на бок.

– Хорошо, тогда сейчас по коням, – сказала она, ища глазами Романа.

Хранитель взял малышку на руки, она легко обвила его шею своими крохотными ручонками, ведьма собрала вещи и двинулась к выходу.

Мелкая без сопротивления устроилась в автокресле, натянула до носа плед, потребовала медведя и тут же заснула.

– Может, завтра здесь же? – спросил хранитель.

– Да, можно. Как насчёт пораньше? Я дочь забрала из садика. Побудет пока со мной. Уверена, они найдут нашу связь в течение нескольких часов. Может быть опасно. Будь осторожен.

В тусклом свете фонарей на парковке она не могла понять выражения его глаз, а прочитывать мешал вновь поднимающийся страх.

– Думаешь, я сумасшедшая? – ведьма покраснела.

– Ну, разве что самую малость.

– Как же доказать... – начала она.

– Ничего доказывать не надо. Ты замечательная и я по тебе очень скучал, – он поцеловал её так же как утром в офисе, – до завтра.

Он снова ушёл, не оглядываясь.

Ведьма забралась в машину, заблокировала двери и почувствовала, как накатывает и придавливает к сиденью усталость.

– Тот ещё денёчек, – прошептала она. – Счастье тоже может отнимать силы, особенно, когда оно так мимолётно и вопросов больше, чем ответов. А что, если он мне не верит?

Ведьма закрыла глаза и откинулась на сиденье. Малая тихо посапывала. С улицы не доносилось почти никаких звуков, даже тише, чем дома, за городом.

– Если бы думал, что сумасшедшая, не пришёл бы второй раз. Наверное...

Как бы там ни было, а время было позднее и предвидение подсказывало ведьме, что ночь будет нелёгкой. По ту сторону её уже ждут. Их обоих уже ждут. Их связь снова растёт. А значит, она станет заметной и станет мешать. Ведь они уже думали, что разлучили, следовательно, связи нет, ну или почти нет. Столько очевидных усилий приложено к тому, чтобы уводить из-под носа любую возможность быть вместе, морочить, водить кругами бед и агонии, когда нет даже сил, чтобы поднять голову и толком понять, что не так. Подкидывать сплетни, ложные мысли, посылать болезни, строить козни. Миллионы мелочных проблем, которые распыляют силы, лишают сознания, уводят с дороги. Постоянно. Методично. Злобно. Ощущение, что убираешь снег в снегопад. Вроде расчищаешь дорогу перед собой, а её тут же замечает со всех сторон. И в результате ходишь по кругу. Вот эту порочную цикличность и предстоит на этот раз разорвать. Видимо, осилить эту дорогу можно только вместе. Иначе выхода нет.

Она повернула ключ, и минуту спустя вокруг мелькал неоновым ночной город.

Глава 3. Я – Свет

Ведьма решила, что сегодня малышка будет спать с ней, тем более, дочка за всю дорогу ни разу не проснулась и только недовольно подмурлыкивала, когда она её раздевала и укладывала в своей постели. Своего большого лохматого пса она тоже заманила спать на второй этаж. Чейз сопротивлялся, упрямо не желая отходить от двери в дом. Поначалу она думала оставить его там, доверившись чутью собаки. Но страх брал верх. Хотелось, чтобы все были рядом. Почти все.

Ведьма обошла дом. Проверила сигнализацию, магические барьеры и ловушки, полистала свою книгу. Для перехода нужны были дополнительные охранные символы и защита от морака. Чтобы видеть, чтобы понять, где атакуют, где опасность, чтобы ничего не пропустить.

В углу спальни над небольшой консолью висело нарисованное ею родовое древо с овальными фотографиями, найденными в семейных архивах.

На небольшой полочке под ними расположились крошечные статуэтки из дерева, вырезанные специально для неё дедом Николаем из далёкой тверской деревни. Буквально недавно они с мелкой гостили там, скрываясь от её сумасшедшего мужа. Фигурки изображали хранителей рода: отца, мать и троих малышей. Несколько свечей с травами, подарок того же удивительного вечного хранителя с небесно-голубыми глазами. Каждый раз, зажигая свечи и прося помощи рода, в котором она воплотилась ныне, ведьма чувствовала: по спине колючей электрической волной взбегает от самой земли до макушки, шевеля волосы, мощная первородная сила. Воздух стал наполняться ароматом трав и кореньев, напоминая жилище гостеприимного деда, предложившего городской незнакомке остановиться на ночь и за пару дней ставшего родным. Немногословного мудрого учителя, распознавшего в ней Силу и увидевшего её путь. Там прекрасно спалось и было невероятно спокойно, надёжно. Ведьма смотрела на пламя свечей и погружалась в этот покой, окружающий со всех сторон каменной стеной. Она закрыла глаза и представила себя внутри сизоватого кокона, медленно стала раскручивать его, образуя сферу, пока в ней не оказались дочь и чёрный пёс. На эту ночь она решила не расходовать много сил для обороны всего дома. Увидеть, угадать, предсказать, какова новая опасность, не было никакой возможности. Никому не под силу.

Она почувствовала, как погружается в транс и поспешила лечь на кровать, чтобы сэкономить физические силы.

Во сне она оказалась в микрорайоне, где прожила почти всю жизнь. Несколько лет назад она построила свой первый дом и с тех пор редко бывала здесь. В астрале тоже. Она медленно поворачивала голову то в одну сторону, то в другую. Ничего не выдавало, какой тут год. Был вечер, лето. Но слишком темно для времени, когда все гуляют и наслаждаются прохладой после заката. Больше походило на глубокую ночь. Она молча шла через заполненный людьми парк: на лавочках сидели парочки, мамы с колясками, резвились малыши, интеллигентные старики и старушки прогуливались туда-сюда. Дошла до площади в торце аллеи, где обычно давали концерты и проводили мероприятия для детишек. Никого. Но она чувствовала, что это здесь. Что-то её ждёт.

– Поиграй со мной, – услышала она голос малыша и опустила глаза.

На асфальте, делая вид, что плывёт, лежал рыжеволосый мальчонка лет 5-6 от роду.

– Не лежи на земле, простудишься, – сказала она.

Он встал и представился. То, что он назвался именем хранителя, несколько её не тронуло. Она была готова. Физическое тело, возможно, и откликнулось бы мурашками, но холодный разум воина света поколебать не удалось.

– Пойдём со мной в кафе, я хочу мороженое.

– Пойдём, – ответила она.

«Значит, они там. Послали мелкого бесёнка, в надежде, что я клюну на малыша с его именем. Ну, пусть думают», – решила она.

Пока шли, максимально старалась освободить сознание от любых картинок, привязок, эмоций, за которые мог зацепиться опытный маг. Там её ждал кто-то сильный, кто может напугать, если не пробить, то повредить защиту, нащупать связь. А это недопустимо. Поэтому ведьма заполняла своё астральное тело серовато-голубым туманом. Вытесняла всё и всех. Она никто, пыль, туман, она сама – морок.

В ярко освещённом кафе, которого в реальном парке не было, её ждал седовласый старик с густой шевелюрой до плеч и большой окладистой бородой. Он был в рыжевато-жёлтой косоворотке, остальное скрывал стол.

– Я его дедушка, – сказал он и потрепал по голове мальчонку.

– Очень приятно, – ответила ведьма и села напротив деда.

Старик кивнул и перед пацаном возникло мороженое.

«Не удосужился даже официанта наколдовать. С бесёнком расплатился за мою доставку. Интересно, что на самом деле жрёт этот выродок? Точнее, кого? Я туман, я морок».

– Спасибо, что внучка моего привела. Как зовут тебя красавица? – спросил ласково дед.

Ведьма не успела ничего ответить. Ноги коснулась рыжая кошка. Краем глаза она увидела, что к её спине приторочен кожаный карманчик, в котором зверюшка уносит, ведьма точно знала, её телефон. Девушка вскочила и кинулась за кошкой. На выходе из кафе оказались две пары дверей, которых только что не было. Кошка бросилась прямо на стену между ними. Ведьма едва успела схватиться за карман и сорвать его с кошки. Зверюшка исчезла в стене. Карманчик растворился, телефон ровно лёг в ладонь.

«Чуть не повредили связь! Господи, детские какие-то заходы! Такая мелочь больше не пройдёт. Спасибо, что разозлили. Теперь будет легче. Я туман, я морок». Она спрятала телефон в карман и вернулась в зал.

Лицо старика было злющим и просто мерзким, мальчонка весь испачкался мороженым, по-звериному рычал и отвратительно чавкал.

– Спроси ещё раз, – громоподобным голосом сказала ведьма.

– Мы не отдадим тебе его! Ты не получишь своего хранителя!

Он стал медленно подниматься из-за стола и расти в размерах. Бесёнок рычал, не желая отрываться от мороженого, которое приобрело вид кровавого месива. Кафе расплывалось, предметы смешивались друг с другом, как акварельные краски, из ярких пятен превращаясь в нечто серо-бурое и бесформенное, кружащееся, пульсирующее, как будто живое.

– Спроси ещё раз, – на этот раз тихо и отчётливо сказала ведьма.

Вокруг всё взвыло, застонало, скрип, скрежет, рёв – всё наполнилось угрозой и агрессией.

– Спроси ещё раз, – одними губами сказала она.

– Кто ты? – проревел старик, протягивая к ней руки.

– Я – Свет! – прогремело отовсюду. Как будто солнце взорвалось внутри ведьмы, выплёс-кивая наружу невообразимой силы волны золотого света, которые мгновенно разнесли в клочья серо-бурый мирок старика и бесёнка.

Всё длилось около секунды, но для ведьмы гораздо дольше: она увидела, как ломает и курочит старика, размахивающего руками и что-то кричащего, как горит факелом бесёнок, невообразимо страшно вопя. Серо-бурое нечто визжало и орало. Видимо, для ловли воина света старик или его кукловод насобирали немало адептов и прочего псевдомагического мусора, который сейчас полыхал и в муках умирал.

Ведьма не стала ждать, пока пепел осядет, и вернулась домой.

Чейз не спал, он лежал на кровати и обнимал малышку, она держала его за лапу и мирно сопела. Пёс лизнул хозяйку в руку и пристально посмотрел ей в глаза.

– Всё хорошо, – потрепала она собаку по голове и пошла в душ.

По комнате витал аромат луговых трав. Родичи на фотографиях улыбались, но она этого уже не видела.

Утром ведьма отправила Мире сообщение: на работу задержусь, приеду с дочкой.

Долго сидела с телефоном в руках, пытаясь решить: позвонить или написать ему сообщение, ведь его ночь прошла куда хуже. Она это точно знала. Её пытались поймать на лжехранителя в образе малыша, не потрудившись даже сделать его хоть немного похожим на оригинал. Глупо, нагло, хотя и не могли не видеть: она под защитой. Не совсем же идиотов бросили в первых рядах. Дед этот тоже. Хоть и типажно, но точно считали образ с тверского старика. Значит, они близко. Ведь она думала о нём перед самым переходом. Всё вокруг – души адептов тёмных, согласившихся на охоту за ней... Сколько их было? Судя по крику, целая толпа. Насколько же им просто было собрать одновременно столько людей? Знали? Готовились? Предвидели?

Каково же ему пришлось?

Было страшно. Было страшно, что он не возьмёт трубку. Потому что она сумасшедшая или потому что с ним по ту сторону что-то стряслось. Нет, иначе бы она почувствовала. Связь же она не упустила. Один страх подогревал другой и усталость от скоротечного, но очень энергозатратного ночного столкновения, накладывалась сверху.

Наконец, проснулась малышка. Дома она уже больше радовалась тому, что не пришлось вставать на рассвете и ехать в город в садик, тискала терпеливого Чейза и рассказывала ему, что по утрам нужно чистить зубы и делать зарядку.

Телефон зазвонил, как раз в тот момент, когда она засовывала в рот очередную шоколадную конфету.

– Угу, – промычала она в трубку, старательно жуя.

– Завтракаешь? Доброе утро, малыш.

– Доброе, милый. Как ты?

– Повеселился. Ты на работу идёшь?

– Надо. Дел много. Просто чуть позже поеду. Ночь тяжёлая была?

– Мягко говоря... А у тебя?

– Как сказать... Я готовилась. Ждала удара. Вроде бы атаку отбила.

– Я не знал, к чему готовиться. Видел тебя, но не мог дотянуться. Как за стеклом был. Не мог его пробить, сломать. Кричал, что там с тобой не я. А потом ты взорвалась и всё вокруг сгорело. Я во сне так орал, что разбудил соседей, а они меня, потому что я проснуться не мог, пока они в итоге до меня не достучались. Кажется, я посидел окончательно. И это я в квартире родителей ночевать остался. А быть дома за городом один, чёрт знает... Мог бы и не проснуться вообще.

– Нет, так не могло быть. Твой путь ещё долг. Душа бы вернулась в тело по-любому. Однако, интересненько, взорвалась, говоришь...

– Ещё видел кое-кого из наших знакомых.

– Подозреваю, одну кривоногую брюнетку, твою поклонницу.

– Откуда знаешь?

– Оттуда, что в первом заходе будут те, кто лично заинтересован, чья зависть, алчность, обида и прочая гниль особо опасны. Они на всё пойдут, чтобы отомстить или чтобы заполучить что-то. Любая цена. Они не понимают ценности своей души, даже такой примитивной.

– Однако же...

– Ну типа, хочу этого мужика, а методы, способы, общий итог – не волнуют. Или хочу её должность, с тем же оговором. Не представляешь, насколько они упорные. Всю жизнь могут положить на преследование человека, которому завидуют или которого хотят. Нормальному

человеку это непонятно. Много противных и откровенно мерзких людей выплывет. На самом деле так и в прошлый раз было. Нам не дают быть вместе, потому что побеждать тьму – наша миссия, понимаешь ли. А в первых рядах, как в компьютерной игре мелкие боссы уровней. Но их много. Пока до главного дойдёшь... В общем, в прошлый раз мы спасовали. Не были готовы. Сейчас иначе. И времени осталось мало... Так что готовься ко встрече со старыми друзьями...

– Я тебя понял. Мне неприятно было снова видеть её. Она меня преследует. Ты б мне так часто снилась, как она... Можно что-то сделать?

– Чтобы я чаще снилась? Легко! – рассмеялась ведьма.

– Серьёзно? – удивился он.

– Вообще можно. Но не нужно.

– Почему?

– А живая-то я чем не хороша? – лукаво спросила она.

Хранитель молчал.

– Что молчишь? – покраснев, спросила ведьма.

– Смутила ты меня, – тихо сказал хранитель. – Хороша. Просто не могу сейчас объяснить, чем ты тут и ты там отличаешься.

– Зато я знаю, чем. Длинный разговор. Постепенно всё поймёшь и вспомнишь. Ты же один из нас.

– Из кого «из вас»? – обречённо и иронично спросил хранитель.

Ведьма рассмеялась:

– Ты избранный, Нео.

– Так, всё! – хохотнул хранитель. – Я уже не понимаю, где ты шутишь, а где нет. Нам придётся очень-очень много времени провести вместе, чтобы ты мне всё объяснила.

– Я и не против...

Глава 4. Ведьма и Хранитель

– Они называют меня ведьмой.

– Кто они?! – удивился хранитель.

– Да вот они, – ведьма махнула рукой.

Хранитель огляделся. Вокруг были только посетители кафе, бариста, официанты.

– Люди?!

– Ага, – она отхлебнула кофе и отвернулась к окну.

– А мы кто?! – в голосе хранителя сквозило неподдельное удивление. – Не люди разве?

– Ну почему, – ответила ведьма. – В общем люди. Сейчас. В этой жизни.

Она посмотрела на хранителя с такой неподдельной грустью и сожалением в глазах, как будто «люди» были чем-то плохим и принадлежать к ним было если не зазорно, то уж весьма неприятно точно.

– А мы кто? – переспросил хранитель.

– Мы? Я – воин света, ты тоже и по совместительству мой хранитель, – сказала она равнодушно и подняла руку.

Подошёл официант.

– Ещё кофе такой же и шоколадку.

– Чай с лимоном, – ответил хранитель на ещё не заданный парнем вопрос.

– Я хочу маёженку, – вставила малая.

Ведьма кивнула: и это тоже.

– Я пока ничего не понимаю, – развёл руками хранитель. – Я даже не могу поверить в половину того, что ты говоришь. В большую половину.

– Я бы сказала, что ты мне вообще пока не веришь, – перебила его ведьма.

Хранитель слегка покраснел и откинулся на стуле.

– Вот. Что и требовалось доказать, – резюмировала ведьма.

– А ты бы поверила? – спросил удивлённо хранитель. – Ну, то есть, без вопросов?

– Без вопросов – нет. Вот и спрашивай. И потом, ты сам пришёл, когда сны тебя доконали. Вот я тебе и объясняю: не всё то сон, что снится. Я научу тебя управлять ими, когда поверишь, – слегка раздражённо ответила ведьма.

– Ты сегодня злишься на меня? – немного удивлённо спросил он.

– Нет. Не на тебя. Я полдня думаю, как тебе доказать, что всё серьёзно, и что я ничего не выдумываю. Это реально может быть опасно, тем более, что у тебя там какой-то заслон. Возможно, из-за того, что ты не веришь. То есть, старые сны, которые тебе снились раньше, были лишены препятствий, потому что ты ничего не знал. Для тебя это были просто страшные сны. Вчера я сказала тебе, что это не сны. Это такая война...

– Даже война? – перебил он.

– Представь себе. Воины света против воинов тьмы.

– А я думал, это плод моего воспалённого воображения, – усмехнулся хранитель.

– Нет, хранитель. Всё очень реально. И от этого мне тоже страшно. Честно говоря, страшнее всего, если ты ничего не вспомнишь. Вообще не понимаю, почему я помню, а ты нет. Я ломаю голову над этим с того момента, как мы встретились впервые.

– То есть, ещё тогда ты знала? – медленно и почти шёпотом сказал хранитель, холодея от мысли, сколько лет она несёт в себе это знание молча, ни намёком, ни полусловом не дав понять, как ей тяжело без него. Просто ждёт. Любит и ждёт. И верит. А он просто так, легко и категорично, даже агрессивно решал за них, за неё, как жить, как строить отношения, когда расстаться... Ведь это он ушёл в итоге, наслушавшись всякого. Ничегошеньки не зная о том,

что на самом деле с ней происходило. А она просто защищала их обоих, пока он купался в своём эгоизме. Тихо. Молча. И надеялась, что он вспомнит... А он не вспомнил...

– Да... Ей-богу, уже устала ждать. Страшно думать, что вернусь домой без тебя, – она поставила чашку на стол и медленно её отодвинула от края стола кончиками пальцев. Он заметил, что её рука дрожит. Она спрятала ладони подмышки.

– А мы сейчас где? – спросил он.

– На задании, – улыбнулась она сквозь слёзы.

– Час от часу не легче, – хранитель поставил, наконец, пустую кружку на стол и отодвинул её пальцами. Так же как она.

Она чуть усмехнулась. Одинаковые привычки, едва заметные мелочи. Как отражение в зеркале.

– Максимальное отрицание. Я вижу.

– Послушай, я пока не знаю, с какого места начать верить. Если честно, я пришёл не столько из-за странных снов, сколько из-за тебя.

– Слишком часто снилась и слишком необычные были чувства, – закончила она, не поднимая глаз.

– Трудно с тобой разговаривать, ты всё знаешь или мысли читаешь...

Ведьма вытерла слёзы, но головы не подняла и ничего не ответила.

– А вот, ты где, ш...а! – вдруг раздалось над столом пьяное рычание. – Даже ребёнка не стесняешься, падла!

– Папа... – пискнула девчушка и сползла вниз под стол.

Хранитель повернулся, чтобы посмотреть на орущее нечто и был неприятно поражён. Красная опухшая рожа с заметной небритостью щурила звериные глазёнки на его любимую. Она медленно подняла голову. Щёки пунцово пылали, скулы заострились, взгляд был полон презрения и ненависти.

– Опять следишь за нами? – её голос хранителя поразил: металла больше, чем в его кузне.

– За тобой глаз да глаз нужен, с..а! Убью, слышишь! И тебя убью, – пахнул он в лицо хранителя табаком и перегаром.

Хранитель посмотрел на ведьму, она отрицательно качала головой. Он кивнул: не буду трогать. Она смотрела на хранителя умоляющее и со страхом, на глазах бледнея.

– Сударь, мы уже просили Вас не приходить, – услышал он голос официанта. Рядом с парнем в длинном фартуке с зайцами стояли двое полицейских и даже овчарка.

Ведьма облегчённо выдохнула.

– Пройдёмте с нами, гражданин, – обратился к пьяному полицейский с собакой.

– Ты у меня ещё попляшешь, с..а! – бросил алкаш и замахнулся.

– Но-но, – предупредительно рыкнул полицейский. – Посажу на раз-два!

– Всех не купишь, ведьма, – прошипел мужик и пошёл к выходу.

– Всё нормально? – спросил полицейский с собакой, глядя на неё.

– Спасибо, Вить. Норм.

– Можешь заявку написать, ресторан точно напишет. Есть запись видео. Без звука, правда.

– Я подумаю, Вить.

Он кивнул и направился к выходу.

– Спасибо, Роман. Вам прямо везёт... Простите, что так...

– Охранник вызвал полицию, как только он появился в зоне видимости камер. Шеф сказал, писать на него каждый раз.

– Я не против, Ром. Он того заслуживает. Из-за него все напуганы. А тут дети... Наверное, нам не стоит приходить.

– Шеф нам голову оторвёт, если вы перестанете приходить. Ой, простите...

Ведьма усмехнулась:

- Ну, если так...
- Я вам принесу мороженое, ну чтоб...
- ...подсластить... Давай, Ром.

Глава 5. Ничего не бойся

- Это кто? – стараясь выглядеть спокойно, спросил хранитель, когда Роман удалился.
- Не поверишь, муж, – виноватым голосом ответила ведьма.
- Он же у тебя бизнесмен, вроде... – удивился хранитель.
- Одно другому не мешает.
- Ясно. Походу, тебе самой нужна защита и помощь. Хочешь, я ему по башке настучу чем-нить тяжёлым?
- Не смей! – резко перебила ведьма.
- Хранитель побледнел.
- Глупости думаешь, – чуть спокойнее сказала она. – Ему достаточно чуть в нос ткнуть и он может кони двинуть. Он уже от пьянки прогнал насквозь. Тебя посадят, а ты мне тут нужен, – закончила она срывающимся голосом и опустила глаза.
- Ваше мороженое. Комплимент от шефа, – Роман поставил на стол три внушительные вазочки с десертом, густо покрытым шоколадом, разноцветной посыпкой и свежими ягодами.
- Безумие какое-то, – тихо сказал хранитель.
- Уверю Вас, это очень вкусно, – вставил Роман.
- Ты не о мороженом, – ведьма медленно поворачивала вазочку вокруг собственной оси и разглядывала причудливую композицию.
- Да уж... Как же ты домой поедешь? И прости я... Не знал... Ну что вы ещё...
- Сейчас наговоришь лишнего, – предупредительно перебила ведьма. – Ничего недопустимого ты не сделал. Он чужой и опасный человек. Но да, официально мы в браке. Очень хорошо сюда это слово подходит. Брак. Изъян. Мы вместе не живём. Да и не жили, в общем. Сейчас он живёт в том доме, который мы с бабулей собирались строить для нас двоих. И я его построила-таки. А после рождения дочки почти сразу пришлось искать второй вариант жилья. То место, где мы живём сейчас – это второй дом, который я построила для нас втайне, пока жила в лесу. Он нас пока найти не может. Очень надеюсь, что так будет ещё долго. Пока это всё не закончится. Пришлось оформить на одного знакомого. Ты его знаешь, кстати. Но пока не скажу, кто он. На всякий случай. Дома скажу. Вдруг тут кто чужой слушает.
- В лесу? – удивился он.
- Угу, – она не подняла глаз.
- Несколько минут все были заняты своим мороженым, подбирая слова.
- Хорошо. Я понял, – только и сказал он, наконец.
- Она пристально посмотрела ему в глаза. Он был сосредоточен. Взгляд суровый, на лбу между бровей залегла глубокая длинная морщинка, рядом ещё одна покороче. Она помнила их, но тогда давно, они были не такие глубокие и резкие. И вокруг глаз, когда он улыбался или хмурился, как сейчас, не было таких мелких, как будто стекающих от глаз к щекам чёрточек-морщинок. Совсем тоненькие, но возраст уже себя обозначил. Им уже не по 20.
- Если сможешь делать вид, что его нет... не было никогда и нет, – тихо сказала она, – я буду страшно благодарна тебе.
- Легко, малыш...

Деньги Роман отказался принять, сказал, что шеф не велел. Ведьму это не очень обрадовало. Всё-таки от них было слишком много хлопот.

Когда они вышли на улицу, ведьма набрала Миру:

– Мирочка, отправь Завьяловым презент стандартный и розы мелкие, такие кремовые, как мы Ксении заказывали на рождение пацанов. Да, в офис. Нет, подписывать ничего не надо.

Хотя, напиши на открытке просто «спасибо». Да, и всё. Нет, не приеду. Не хочу. Да, конечно, звони в любое время. Всё, что надо проверю, подпишу. Остальное перенеси на завтра.

– Так, и какой у нас план? – спросил он, понимая, что вся эта сцена в ресторане сильно выбила её из колеи, и она не готова идти на работу.

– Не знаю, – честно сказала она. – Я как-то планировала поговорить и потом на работу. А теперь я вся на нервах, итак ночь была тяжёлой. Сил почти нет.

– Давай в магазин, накупим всего и на дачу?

– К тебе?

– Ко мне. У меня старый дом в деревне есть. Там моя крёстная жила. Умерла года два назад, дом мне оставила. Старый такой, скрипучий... Мы так туда и не съездили тогда. Давай сейчас? А вечером я вас домой отвезу. Если захочешь...

– Да, ночевать дома пока безопаснее будет. А всё остальное потом.

Она смотрела ему прямо в глаза. Красивые серо-голубые глаза с зеленоватыми тонкими лучиками от зрачков. Грустные, уставшие. Что она видит там, в будущем? Есть оно вообще у них?

Машину ведьма бросила у офиса под присмотром верной Миры.

Они пересели в «броневичок» хранителя, как он обозвал свой здоровый и агрессивный в обвесе внедорожник. Большому мужику большой джип, как говорится. А иначе и не поместится, не дай бог. Ведьма тоже любила большие машины. Но она всегда мечтала путешествовать на них, поэтому необходим был простор внутри и мощь танка снаружи. А пришлось купить себе любимую машину, чтобы бежать, даже не загрузив по максимуму. Не совсем то путешествие, о котором она мечтала, выбирая свой внедорожник. И то записать его пришлось до возвращения на Миру, и никому в голову не пришло проверить, что её вездеход колесит по тверским лесам. Святой Исток послал ей отличного друга – Миру и она охраняла её, как могла.

– Я сам, – гордо сказал при входе в гипермаркет хранитель. – Но вы можете накидать сюда, что душе угодно. Я не бедный мальчик, – ответил он на её немой вопрос.

– Да я ничего, – усмехнулась она и картинно развела руками.

– Посади меня в кашёвку, – скомандовала малая.

Он высоко вскинул её на руках, она взвизгнула и расхохоталась.

– Честно говоря, я, когда нервный, жрать хочу, – нарочно низким басом сказал он. – Вот прям много мяса, бааальной такой кусок. Поэтому предлагаю шашлык сразу. Ты любишь мясо, малыш?

– Да, – хором ответили обе.

И все трое рассмеялись.

Глава 6. Приют

Деревенька оказалась в часе езды от города. Удалённая от большой дороги, она была напрочь лишена асфальта и о наличие цивилизации говорили только новые бетонные опоры с тугими чёрными проводами и облезшие жёлто-синие трубы газа.

Чётких улиц в деревне не было, она вся стояла на холмах между озерами и ручейками. Такая русская Венеция с мостками от одного дома к другому, косыми огородами, забранными по тылу ржавыми сетками. Заросли вездесущего американского клёна. Проросшие и превратившиеся в крепостные стены заборы из ивняка.

Дом крестной хранителя фасадом стоял на невысоком пригорке. Основные постройки по традиции были заключены в сплошной забор – сараи, туалет, летняя кухня – квадратом располагались вокруг заросшего травой двора, где некогда кипела жизнь. По углам его щедро разрослись разноцветные мальвы и лопухи. Тропинок к сараям не было. Вряд ли хранитель ими пользовался. Природа отвоёвывала свою землю обратно.

– Извини, что так, – он кивнул на заросли. – Как-то некогда. И почему-то жаль.

– Траву косить?

– Да. Именно траву косить жалко. Будет щетина острая стоять. Как-то... ну...

– Пусть так будет. И мальвы дивные.

– Мальвы – это что?

– Вот тебе длинные цветы в лопухах.

– Какие-то они уж очень деревенские...

– В этом и прелесть. Я люблю мальвы.

– И я, – отозвалась мелкая, которой трава была выше пояса.

Он подхватил её на руки:

– Пойдёмте, я вам беседку покажу. Это пока всё, на что меня хватило.

Калитка скрипнула и легко отошла в сторону, потонув в море крапивы.

За домом в небольшом саду со старыми, но хорошо подрезанными яблонями, стояла просторная многоугольная беседка, широкими крыльями обнимая деревья.

– Круто, – выдохнула ведьма.

– Ну, мы всё-таки профи с тобой. Беседку-то и я могу нарисовать. А жарить мясушко в яблонево́м саду – это удовольствие намного выше среднего.

– Ты крут, человек! – рассмеялась ведьма.

– Ты клутой! – малая похлопала его по щекам.

Он рассмеялся:

– Ты, кнопка, когда так делаешь, я понимаю, что пора худеть.

– Сейчас и начнём! Я знаю одну дивную диету для похудения – японскую. Есть можно только сладкое и мясо.

– Да. И она работает. Ты всегда так делала.

– Я что, когда-то была толстой?! – с вызовом спросила она.

– Ни разу не видел. Хотя теперь я понимаю, почему. Метла не выдержит!

– Вот именно, приходится держать вес.

– Ну что, приступим? Я уже голодный как волк, иначе я кому-нибудь откушу бочок.

– Не надо! – взвизгнула малая и отчаянно задёргала ногами.

Хранитель картинно разинул рот и мелкая залилась смехом.

Ведьма прошла по саду. В высокой траве было полно перезрелых яблок, буквально ковёр из спелых, пожухлых и уже гниющих плодов.

«Естественно, компоты с вареньями его интересуют в последнюю очередь, но это всё надо было убрать до зимы, – по-хозяйски подумала она. – Иначе саду будет плохо».

– Я помогу тебе прибрать сад к зиме, – неожиданно для самой себя сказала она, подходя к беседке.

Он уже подметал пол, а мелкая, сидя на столе, сбрасывала на пол случайно залетевшие туда веточки и сухие листья. Он обернулся и удивлённо поднял бровь:

– Прямо сейчас?!

– Нет, только после шашлыка!

– Слава Богу, мне сегодня совсем работать не хочется.

Когда запах почти готового мяса заполнил собою всё вокруг и даже перебил аромат преющих яблок, ведьма поймала себя на мысли, что время как будто остановилось. Она его совсем здесь не чувствует. Кажется, и солнце там же, и тень от беседки также наискось пересекает ствол кривоватой старой яблони с ветками, полными ярко-малиновых плодов. То и дело они падали: с сухим стуком или шлепком о землю и в кучи мягких опавших плодов на земле, и по иному, гулко по крыше беседки.

Яблоко было отчаянно жалко, слишком много пропадало прямо сейчас. Она отпила глоток чая, как будто заряжаясь энергией и встала. План созрел быстро, и она намерена было его реализовать.

Ведьма вернулась во двор и огляделась. Где-то здесь должны были непременно быть какие-то корзины. В таком большом хозяйстве, в таком огромном саду урожай не могли собирать как-то иначе. Она чуть прикрыла глаза и постаралась разглядеть содержимое сараев. Ивовые корзины излучали тепло и по-прежнему хранили энергию воды, хотя даже на таком расстоянии чувствовалось, что они сухие неимоверно.

Ведьма смело шагнула в лопухи и крапиву и медленно потянула на себя дверь сарая, на удивление легко и без скрипа она подалась и навстречу пахнуло зерном, мышами, запахом какого-то старья и пылью. В просвете закачалась огромная паутина и её хозяин метнулся в темноту под потолок.

Корзины были прямо напротив, сложенные одна в другую, высокие, огромные, совсем такие, как она видела в деревне у бабушкиной родни. Сердце больно стукнуло в груди. Никого нет, ни здесь, ни там, а они целы. Сухие, старые, помнящие столько рук, столько плодов, столько всего... И они ещё поработают, послужат. Она погладила рассохшийся бок плетушки.

– Ну, что, соберём яблок для детишек? – улыбнулась она.

– Ты где это добро натырила? – снова удивился хранитель.

– У тебя в сарае, – она аккуратно приземлила пирамиду огромных корзин у беседки.

– То есть, будем всё-таки работать?

– Обязательно. Твои яблоки завезём в детдом.

– Не возьмут без документов.

– У меня возьмут. Я слово верное знаю.

– Одно слово: ведьма, – усмехнулся он.

– Не совсем это, но по сути верно. Я вылечила директрису от бесплодия, а ещё жену директора ресторана, того самого... Так что...

– Ну, ты даёшь.

– Да, даю людям возможность обрести смысл жизни.

– А я думал, он в любви, ну или как там ты формулировала.

– И это тоже верно, – ответила она, запихивая в рот ломтик помидора. – А дети разве не живое воплощение любви? Не благословение любовью свыше?

– У тебя везде любовь.

– Это не у меня, а у природы, у Истока. И любовь к шашлыку тоже из той же оперы.

Глава 7. И пылают костры

Шашлык удался. Хранитель умел готовить, ведьма помнила. И с годами навык отточился на славу.

Даже малышка с удовольствием уплетала сочное и мягкое мясо вприкуску с целым огурцом, который она отвоевала у хранителя в честном бою. Остальное было щедро нарезано и сдобрено соусом, усыпано зеленью и выглядело, как взрослая мужская еда. В общем, так, как она любила.

Зелёный чай из самовара благоухал свежесорванным смородиновым листом и мятой. Она держала кружку двумя руками и, блаженно прикрыв глаза, наслаждалась напитком. Всё вокруг выглядело невообразимо. Переваливший за середину день, старый сад, запах яблок, шашлык, хранитель, который чуть наклонив голову, смотрел на неё пристально, малышка в гамаке здесь же в огромной беседке тихо покачивалась в обнимку с игрушкой и что-то напевала. Всё так невообразимо с утра менялось стремительно и не без боли, но сейчас в этом дивном мареве и тишине как будто не было никаких проблем, никакой тьмы, никакой грядущей битвы.

Как будто не было этой ужасной сцены в ресторане утром. Сейчас она её лишь мимолётно коснулась и расплылась. Под его взглядом ей было тепло. В его присутствии спокойно. От осознания того, что теперь они будут вместе вечно, хотелось взлететь.

Она закрыла глаза и почувствовала, как буквально проваливается сквозь кресло, ощущает душой этот полёт. В невидимой глазом области появились лёгкие сиреневые искорки и они летели от него. Он ещё не знает, как управлять своей силой и что она вообще у него есть, огромная, мощная, смертоносная, но эти крошки мерцали и несли любовь и надежду. Ей, миру, всем и вся.

– От тебя в разные стороны разлетаются крошечные сиреневые искорки. Это сила. Или магия. Это очень красиво, – сказала она, не открывая глаз.

– То есть? – услышала она его удивлённый голос и живо представила, как поползли вверх его брови, а искорки хаотично заматались и их стало больше.

– Интересно... – сказала она вслух.

– Что?

– Ты удивился. А их стало больше.

– Кого, господи..?

– Искорок, которые вылетают из тебя.

– Искорок, значит. Ну, аминь. А теперь давай расскажи мне про всё вот это, потому что я на слово тебе верю, и потому что со мной происходит нелепая хрень всякая и потому что из меня вылетают искорки.

– Сделай чаю ещё, – она открыла глаза и протянула ему кружку.

Он тут же поднялся и занялся понятным и линейным делом. Она улыбнулась: это всегда работало. Когда мужик не знает, что делать, надо дать ему гвоздь и молоток. Или что-то похожее, пусть сделает что-то несложное. Он тут же перестаёт суетиться и думать о сложном. Успокоился, начинаем усложнять.

А усложнять было что. Как донести до него всё то, что она пытается понять всю жизнь и сама к более-менее стройному пониманию мироустройства пришла совсем недавно, пройдя через такое, что врагу не пожелаешь. И это даже не фигура речи. Не пожелаала бы врагу.

– Возьми, – он протянул кружку с густым облаком пара сверху.

– Я не знаю, с чего начать, – она пристально посмотрела ему в глаза.

– Начни с начала, – ответил он своей стандартной фразой.

– Так издалека? – усмехнулась ведьма. – Да как скажешь. И была пустота и не было в ней ни фи́га. А потом ни фи́га взорвалось от тоски по хоть бы каким-нибудь событиям и породило всё вокруг. Так возник Исток.

Он от души расхохотался:

– Я очень детально это представил, особенно тоску по тусовкам. Не, слушай, а серьёзно?

Она улыбалась:

– Да почти так и было. Возник в мировой пустоте Великий Исток и породил всё вокруг себя. Вообще всё. Наполнил пустоту Любовью и понеслось.

– Ты серьёзно?

– Ты же просил с начала. О том, что было до Истока, я не очень осведомлена и о том, что предшествовало появлению Великих учителей – единых душ, воинов и хранителей или разделённых душ, которые наполнили миры жизнью и понесли любовь во все уголки бесконечного числа многомерных миров, порождённых Истоком в порыве вселенской Любви и жажды дарить её всем и вся, я не знаю.

– Видит Бог, я ожидал чего-то иного, но это куда прикольнее. Я думал, сейчас будет что-то про замки, склепы и кровавые жертвы тёмным богам. Ты ж ведьма!

– Вооот, все так думают. Не понимают ни черта, не умеют отличить добро от зла, и, естественно, всё, что выходит за грани тупого потребительского отношения к жизни вызывает неприязнь.

– И пылают костры...

– Костры – не самая жестокая казнь, как может показаться.

– Да иди ты... Ты давно у печи стояла? Расскажи кузнецу про огонь...

– Ты и не помнишь, как жил в других мирах... Здесь многие научились ускользать, умирать раньше, чем тебя убьёт человек или его новое изобретение. Хотя это нарушает несколько мировой порядок...

– Погоди про мировой порядок, где я жил?

– Господи, да миллион мест можно назвать.

– То есть?

– Душа вечна и это не единственный её дом. Это вообще край.

– Чего?

– Да белого света, например.

– Так уж...

– Ну на данный момент так. Именно света. Грядёт очередное противостояние света и тьмы и ты мне нужен.

– Ты избранный, Нео, – усмехнулся он.

– Да, Нео, ты избранный.

– И против я быть не могу, если верить кино?

Она утвердительно кивнула.

– Мы свой путь не выбирали. Мы в армии. Армии света. Наши души были созданы для того, чтобы нести свет во множественные миры. Наш внешний вид обусловлен нахождением в конкретном мире и никакого отношения не имеет к первому замыслу Истока, если он был.

– То есть, даже ты не знаешь?

– Даже я... да мы с тобой рядовые, детка. Просто рядовые хранители и воины.

– Ну вот, печалька, я думал, мы супергерои.

– С точки зрения людей, конечно, супергерои... При наших-то способностях. А вот...

– Погоди, я уже не понимаю, ты героиня или ведьма?

– В Средневековье были супергерои?

– Да нет вроде.

– То-то же... Каждому времени свои легенды. Мы были всегда. Просто они по-разному нас называют. Когда-то мы были прародителями, учителями, мессиями, ведьмами. А теперь вообще скатились до необходимости прятаться. Тьмы тьма, а нас мало и нас проще объявить сумасшедшими. Ну сам подумай, каково это будет на государственном уровне заявить, что во главу угла мы ставим вечность души, чистые помыслы, отвергаем верховенство денег и учреждаем на всей планете равенство, братство и возможности, одинаковые для всех. А ещё пластик не производим, бензин и генномодифицированные продукты, потому что нашей планете итак всего для всех хватит, если по-честному и без золотых унитазов для одних и золотых парашютов для других.

– Правда, хватит?

– Более чем, уж поверь.

– Только это сейчас мешает выйти из тени? Собраться всем и разнести всё к чёртовой матери, олигархов этих и корпорации?

– Тебе б только сломать что-нибудь, вот же энергия кипучая...

– Ты же говоришь, будет битва между супергероями светлыми и тёмными, а как же ещё?

Почему тогда это нельзя просто снести это и построить новый мир...

Ведьма как-то с грустью посмотрела на хранителя.

– Ну что?!

– Обязательно воину в мясо рубить врагов? Нельзя выиграть битву по-другому?

– Да можно, но ты же говоришь...

– Всё правильно. Битва будет, потому что она навязана нам извне. Одними переговорами и просьбами не обойтись. Ты же не думаешь, что они нас слушать будут? Там во главе самая чёрная тьма. А мы просто...

– Рядовые... А наши полководцы никак не будут участия принимать?

– Будут. Они будут охранять саму жизнь. Это только в их власти. А в нашей – распространить Свет и Любовь и не дать этому процессу идти вспять.

Он встал и нервно прошёлся по беседке.

– Вауля, покачай меня, – попросила девчушка.

Он постарался улыбнуться и легонько, насколько позволяла ему взведённая внутри пружина, качнул гамак. Мелкая ласково замурлыкала. Ведьма ждала, пока эта милота не наполнит хотя бы часть пространства, а его агрессия пойдёт на спад.

– Послушай, малыш, как-то всё это...

– Бредово выглядит... Я знаю, я не прошу тебя верить. И не взываю к твоей спящей памяти. Ты просил рассказать, я просто рассказываю. Я много лет не могла понять, почему ты ничего не помнишь, хотя, когда мы встретились в первый раз... Я готова поклясться чем угодно... Я была уверена, что ты меня узнал, потому что я узнала тебя. Я чуть из себя не выпрыгнула, мне хотелось бежать тебе навстречу и обнять, плакать, смеяться. Я так была счастлива! Первая и единственная мысль была: «Наконец-то я тебя нашла».

Он буквально ошеломлен. Забыл качать гамак и замер, широко открыв глаза и не моргая.

Она чувствовала, как эта старая боль, которая не отпускала её долгие годы, вдруг всколыхнулась и постепенно поднималась, выливаясь слезами.

Он её не помнил. Всё-таки не помнил. Просто не помнил. Иногда ей казалось, что он боится сказать ей, что он не такой, как все, что помнит прошлые жизни или видит будущее, как и она. Она всегда надеялась, что на самом деле у него намного больше сил, чем у неё и именно поэтому он скрывается ещё тщательнее, чем она, настолько, что даже бабушка не видит.

Она беззвучно плакала, сжимаясь в комок. Эта боль – осознание того, что он её не помнит. Душа, может быть, и узнала, но не так, как она надеялась, не так, как она ждала. Это узнавание было настолько глубоко, настолько неосознанно. Она столько лет искала ответы и до сих пор не очень понимает, за что с ними так. Почему этот крест знания достался ей? Почему она

видит и помнит сколько всего, а он даже не пытался за всю жизнь что-то узнать? Почему его не тянет и не мучает глубинное сознание того, что мир устроен как-то иначе, чем написано в учебниках? Почему она это знала с самого раннего детства? Почему она помнила себя другим, другой, в других мирах? Почему он не помнит ничего?!

– Я всегда думал, что просто влюбился с первого взгляда. Вот так раз и попал. Увидел и всё... – его и без того тихий голос дрогнул.

Она наспех вытерла слёзы, подошла и крепко обняла его, продолжая хлюпать носом и желая зарыться в него как можно глубже.

И он вцепился в неё, до боли, до хруста. Те минуты всплыли мгновенно и зримо. Смеющаяся девушка болтает ногами на высоком подоконнике фойе старого особняка Дома искусств при Академии прикладных искусств и дизайна. У неё длинные русые волосы и тонкие руки, которыми она ловко откидывает соскальзывающую шёлковую прядь назад. Рядом ещё одна темноволосая курносая, пухлой ручкой аккуратно заправляет за ухо тугую вьющуюся кучеряшку. Смешно даже, они такие разные, но как будто отражения. И тут та, что с длинными волосами вдруг резко поворачивает голову и на её лице сквозь недоумение вспыхивает лучезарная широкая улыбка. Она смотрит на него. Как будто его ждала. Как будто знала, что он придёт. Как будто он уже её...

И сердце тогда перевернулось в груди. И было легко и хотелось уйти с ней в тот же вечер. А теперь к этому чувству примешивались боль и горечь от того, сколько времени он упустил. От того, что не ушёл тогда с ней. Кто вообще это сочинил, что нельзя девушке показывать свою заинтересованность сразу? Почему в этом уверены сплошь и рядом все юнцы? Почему? Почему он тогда ушёл провожать ту, другую, хотя она была ему никем. Ведь всё началось именно в этот день. Ведь это он дал той шанс думать, что у них что-то может быть. И он держался около неё, чтобы побольше узнать об этой с шёлковыми волосами. Почему нельзя было уйти сразу и спросить обо всём у неё? Почему он доверил своему другу провожать её, надеясь, что тот узнает: понравился ли он ей или нет? Почему надо было сделать всё наоборот? Что за нелепость разводила их ровно с той минуты, когда они, наконец, нашли друг друга?

Глава 8. Неизбежность

– Почему мы столько времени упустили, а? – горестно вздохнул он. – Ну почему я такой идиот...

– Так надо было, – ответила она тихо откуда-то снизу.

– То есть как? Ничего получиться не могло? Ты знала? – он чуть отстранил её.

Она смотрела на него с такой тоской и отчаянием. Слёзы всё так же текли, чуть размыв косметику.

– Я никогда, наверное, с этим не смирюсь, хотя порой в лесу казалось, что я простила всех и вся и готова к битве с холодной головой. Но нет. Не могу...

Она вытерла слёзы обеими руками.

– Так как же?

– Дед и бабуля говорили, что так должно было быть. Так и было задумано с начала. Нам надо было дорасти до этой битвы и до любви. До настоящей. Я надеюсь, мы доросли.

– Я тебя больше никуда не отпущу, слышишь? Никуда, ни на какую войну. Ни шагу больше без меня, слышишь?

Он гладил её по спине, по голове своей большой рукой, как будто пытаясь оградить и одновременно проверить, здесь ли она, не подкрался ли кто, целовал её в макушку, жадно вдыхая запах её волос. Она тихо плакала, нервно цепляясь за него. Ему казалось, что они уже прошли через столько лет войны, что ещё одна никому не нужна. Война – это всегда смерть, и где гарантия, что они её переживут. Эта страшная мысль отозвалась в его душе такой щемящей болью, что ему стало и вовсе не по себе. А вдруг её страх перед этой войной и такая глубокая скорбь, которая буквально пронизывает все её существо всякий раз, когда она о ней говорит, от того, что она видит будущее? Ведь это её способность: знать прошлое, видеть будущее. Быть может, она знает, что они умрут. Или только она? Или только он? И именно поэтому она так печальна всегда, когда говорит о войне? Что если их счастье лишь на время, на пару месяцев или когда там эта война? Что если их судьба или этот Исток разводили специально, чтобы война началась вовремя, ну как запланировано? Ну типа кого-то убьют и второй в горе как разнесёт к херам весь этот мир.

– На войну вместе пойдём, – глухо сказала она, прижимаясь ещё ближе.

– Может ну её, столько всего наверстать надо? – тихо спросил он.

– Не выйдет. Мы для неё созданы, наверное. Как-то так. Так что будем прикрывать друг другу спину, ты мой второй мушкетёр.

– Ладно, будем. А драться-то хоть чем будем? Меч ковать? Или два меча?

– Ага, световых. Я и сама не знаю. Все говорят, что она будет: дед, Илья... А как это будет, похоже, они и сами не знают.

– Хреново. Хотелось бы план действий.

– Ага. И план победы. И точно знать исход...

– А ты не знаешь? Твоё видение...

– Так далеко не распространяется... Дело не во времени и пространстве, а в категориях. Это знает только Исток. И начинать придётся с войны на ближних подступах. С относительно мелких бесов и демонов. Хотя сегодня ночью это были уже не мелочи... Своих-то я отбила. Связь не упустила. Ты здесь... А что в твоём сне было?

Он не ответил, только вздохнул глубоко.

– Когда ты взорвалась, я увидел её. Она была очень весёлая, одета как певичка в кабаре и танцевала. Как будто и рядом со мной, и далеко от меня, я толком не понял. Я думал, что ты там умерла и пытался к тебе прорваться, но не мог ни рукой, ни ногой пошевелить.

– Ясно. Ты просто пока не понял, что в тебе тоже есть Сила. Я думаю, как тебя пробудить. Как тебе её вернуть, но пока не знаю. Надо будет кое у кого спросить... А пока...

– А пока что с этой делать? – он никак не мог придумать, как её называть, а произносить имя отказывался. Ей оно было и вовсе противно.

– С подружкой кривоногой твоей? – не без желчи ответила ведьма.

Он заметно напрягся, но она жалеть его не собиралась.

– Что ж. Если бы не эта мерзавка, во-первых, мы бы были готовы к битве намного лучше. Во-вторых, мне бы не приходилось сейчас ломать голову, пытаюсь всё объяснить человеку, который сильнее меня и на которого я в этой битве рассчитываю. В-третьих, я до сих пор не знаю, удалось ли отвадить её насовсем.

– Почему? – перебил он.

– Потому что она продала свою душу за близость с тобой, – металлом звякнул её глубокий голос. Она пристально смотрела ему в глаза. Пронзительный, не знакомый ему взгляд, под которым льдом покрывалось всё внутри. – И благодаря ей, точнее, тому, что её телом, всеми телами на всех уровнях владели тёмные, они подобрались слишком близко к тебе. Нарушили связь, напустили морока. Со мной такого не получилось, меня охраняла ещё и бабушка. К тому же я тебя помнила и ждала всю жизнь. И они пошли другим путём. Началось всё это: смерти одна за одной, я просто не успевала собирать себя в кучу, я вообще забыла, кто я, ослабла, порастеряла всё, чему меня учила бабуля, не было связи с Истоком, я вообще перестала верить. Ну как так?! Неужели я такая плохая, что мне столько бед? За что? Все умерли, а ты ушёл к другой...

Он минуту медлил. Ничего не было. Но соврать, что не прикасался к ней вообще, он не мог.

– У неё ничего не получилось... – глухо ответил он.

– Я знаю, – она отвернулась, подошла к столу, отхлебнула остывающего чая.

Повисла тишина.

– Я не знаю, что сказать и что сделать, меня буквально тошнит от неё, правда, малыш...

– А меня и подавно...

– Ты мне веришь?

– Разумеется, – она поставила кружку на стол и, – о, боги, – на этот раз он тоже всё понял. Всё-таки с возрастом или опытом он стал понимать эти простые женские жесты, наконец-то. Он тут же подсел и обнял её, а она тихо положила голову ему на плечо.

Тени от яблоневых ветвей рисовали на полу беседки узор света и тени, колеблемые слабым ветерком. Вот так и жизнь: то свет, то тень.

– Она потом ко мне приходила, – начала с трудом ведьма. – Весь офис ржал в итоге. У нас тогда кабинет один был на всех. В общем такая, типа заказ сделать, но сразу начала, что вот видела нас и что мы никогда не будем вместе, потому что если он такую красавицу, как она бросил, то мне и подавно ничего не светит. Растопчет моё бедное сердечко, выбросит и забудет...

Хранитель тихо, но ветвисто выругался. Она сжала его руку и продолжила:

– А я что-то такое съязвила, дословно не помню, но типа он со мной никогда так себя не вёл и не будет, у нас уровень отношений немного иной. Ох, жаль не записала. Но, кажется, у меня это так круто получилось и так остро, что офис просто в голос заржал, а она несколько минут тупо сидела, покрываясь пятнами, и не могла ни ответить, ни уйти. Мужики в офисе тогда меня прям очень сильно зауважали. Говорили, что этому мужику со мной повезло. А мне больно было...

– Прости...

Она молчала.

Даже если простила его, даже если верит, очевидно, что болит.

Он старался увезти её от боли и страха из города сюда, в этот тихий приют одиночества, куда сбегал сам. А привёз плакать, хотя поначалу всё шло лучше некуда. С другой стороны, он теперь с годами стал понимать, что вечно бегать от проблем нельзя, они настигнут всё равно и прятаться нет смысла. Здесь или в городе, в огне печей или в макулатуре проектов, они всё равно тенями выступают из любого угла, даже при солнечном свете, даже, когда хочется только тепла и нежности. Даже, когда причинять боль в твои помыслы не входило вовсе.

Этот разговор и не мог быть простым. И не был. Хотя он понимал, оба стараются изо всех сил причинять друг другу как можно меньше боли.

– Ну и таких историй было на самом деле за нашу жизнь видимо-невидимо, тот же муж мой чего стоит. Этот куда сильнее, чем твоя кривоногая любовь.

– Прекрати, пожалуйста, – едва слышно попросил он.

– Прости, – она не глядя сжала его руку. – Столько боли. Я так хотела это всё оставить там, в глухом лесу. Выйти обновлённой. Но, видимо, это нельзя избыть совсем. Это должно быть где-то, чтобы помнить, чтобы не ошибаться вновь, чтобы невзначай не простить всех до уровня «снова делайте всё, что хотите, я ведь добрая, я прощаю». Но дед говорил, что мы исказили заповеди. И когда враг приходит в дом, надо сражаться, а не подставлять по очереди свои части тела.

– Я согласен с твоим дедом на все сто, малыш. Что делать-то будем?

Она шмыгнула носом:

– Жить. Готовиться. Постараемся что-то придумать, чтобы ты вспомнил, кто ты и откуда. Я не знаю, как это сделать, если честно. Только надо быть очень осторожными. Они уже знают, что мы вместе. Если завтра она придёт к тебе в трусах и в каске и кинется на шею, это будет самая малость. Могут начаться проблемы с клиентами, какими-нибудь надзорными органами. Поломки в квартире, кражи и прочая нелепая фигня, которая мешает идти своим путём. Попытки распылить внимание и отвлечь силы на несущественное. Хотя, если соседей затопишь, это будет прям очень существенно. И за рулём поосторожнее.

– Понял. Ну может хоть научишь меня заклинаниям каким, молнии там метать? – попытался пошутить он.

– Обязательно. Прямо с молний и начнём.

– Я всё думаю, а почему её приворот всё-таки не подействовал? Ну ведь мне противно было даже думать, что она меня трогать будет, прям бр-р-р.

– А я поняла, ты выбрал магию огня. Одну из самых мощных и разрушительных. Да вообще всё в огне родилось. Хоть у астрофизиков спроси. Кузня. Ты ведь не сразу к этому пришёл. В универе у тебя было совсем другое увлечение.

– Да, дерево меня влекло. Резать хотелось. Красавиц в томных позах.

– Я помню. А выбрал огонь и жар и никакого дерева, даже на дрова.

– Да, розжиг газовый, это ты точно подметила. Нету у нас в кузне дерева. Вообще, даже мебели. Как-то так вышло.

– Всё как надо. Огонь тебя защищает и сжигает лишнее. Всё не может почистить, но это твоя стихия, и твоя ипостась, и твоё оружие.

– Оружие?

– Да, огнём ты можешь управлять и тебя к нему привело, ты можешь им управлять.

– Могу... Ну да, точно. Могу. У меня как-то само получается. Вот он как родной что ли. Даже разговариваю с ним, веришь?

– Очень даже верю. Вот он тебя и защитил.

Глава 9. Отражение

– Вот тебе и прилёт, – резюмировал хранитель. – А ты ведь предупреждала.

– Жалеешь, что со мной связался?

Он только критично приподнял бровь и продолжил разбираться в кипе бумаг, которые привёз в офис. Она неспешно подошла к пыльному окну.

– Может тебе окна помыть, чтобы лучше видеть перспективу? – чуть иронично заметила она.

– Это шутка? – немного удивился он.

– Практически нет, – она отвернулась от окна. – Мне кажется, ты слишком сосредоточен на себе и на том, чтобы не упустить никакой возможности, никакого шанса, никакой мелочи не дать проскользнуть мимо тебя.

Он откинулся в кресле, оттолкнул папки с бумагами, пристально и с интересом смотрел на неё.

– Права?

– Да ты знаешь, совершенно права. Я слишком много времени упустил, думая. Я вот прямо так поставлю точку. Я думал. Причём часто не свои мысли. Просчитывал, высчитывал, предполагал, располагал. А вышло вон что.

– А надо было просто идти с открытым забралом к миру. Вообще без доспехов.

– Ну вообще без доспехов нельзя. Я тут чем, по-твоему, занимаюсь?

– А ты мирные вещи делаешь.

– Так мирных больше. Рыцарей раз-два и нету. А кованый забор всем нужен.

– Вот опять ограничения. А жили бы в мире, не нужны были бы заборы и так бы все знали, где граница одного мира и начало другого.

– Я б вообще без границ жил, но нельзя.

– Мы немного про разные границы говорим, это же понятно.

– Да, есть такое.

– А что, если без границ жизнь и в доброту, как ты выражаешься, то вот эта херня исчезнет? – он указал на кипу бумаг из всех вообще надзорных органов, которые только могли докопаться до работы его кузницы.

– Не было бы. Ты совершенно прав. Это система, матрица. Это создано тьмой, чтобы людям вообще некогда было смотреть внутрь себя.

– А если будут смотреть?

– То узрят там бога. Найдут, что в них семя Истока и он растёт. Ну то есть не прямо во всех растёт. Но и не мёртвое ещё, уж если они топчут эту землю.

– Ты или блаженная, или святая. Я пока не понял.

Она чуть нахмурилась и скептически на него посмотрела.

Он резко поднялся и стал ходить по кабинету, пытаясь найти себе место. То потрогает что-то, то поправит, то просто из угла в угол ходит. Она несколько минут молча ждала, особо ни на чём не концентрируя ни мысли, ни взгляд.

Думы его были тяжелы и слишком хаотичны. Поэтому она и своё восприятие максимально распыляла, чтобы не падать вслед за ним в тяготы этого мира.

Как она и ожидала, тёмные не сдавались и теперь атаковали по всем фронтам. И если в её офисе были мощные защиты и концентрация светлых душ, которые она собирала и которые звучали на одной волне, то здесь энергия огня была насколько мощной, что притягивала всех подряд. Коллектив хранитель подобрал не плохой. Но острый. Мастера все с короной, как его

бывшая девушка. Слишком великие. До гармонии было не просто далеко, а отсюда не видно. К тому же он сам хранитель – воин, сила и мощь, повелитель огня.

Но со своим внутренним огнём пока не мог совладать. А основная загвоздка была именно в этом. Утихомирить свой внутренний огонь, придать ему иное звучание и гармонический аспект, сделать его другом, мирным и тёплым очагом. Но до этого было ещё далеко. Не вечность, но придётся поработать.

Вот только работать ему придётся самому над собой. Конечно, она, Илья и все остальные рядом. Но отстроить себя изнутри может только сам человек, только его душа. Именно ему придётся самому смириться и со своими демонами, и со своими ошибками, простить себя, исцелить и понять, что он и есть свет, и всё, что с ним случилось, было предопределено, в том числе свет и тьма. Но каждому из них хранитель будет давать волю только исходя из того, что чувствует сам. Больше света внутри, больше гармонии снаружи. И это не значит, что тьма оставит попытки атаковать. Это значит, что она станет плотнее там, на краю света. Но хранителей и воинов света теперь больше. Они уже здесь. Скоро они станут вместе, чтобы защитить Землю. Всё больше людей просыпается и понимает, что этой матрице можно противостоять не в борьбе, а в принятии её правил. В уходе от агрессии. Тогда она не может ничего сделать. Иногда нужно уклониться, чтобы пропустить удар и тогда нападающий просто пролетит мимо тебя, а ты даже и не сделал ничего. Главное, не включаться в это противостояние напрямую. Ожидание, чтобы выбесить врага тоже очень хорошая тактика. А вот тёмные так не могут. Их бесит, когда свет просто светит и не жётся огненными молниями и палящим солнцем. Солнце просто светит. Ему всё равно, есть ли тьма на другом конце галактики или нет. Оно освещает путь перед собой. Потому что так его сотворил Исток. Так, здесь и для своих, одному ему известных событий. Так будем светить, никто нас не остановит. Их щит будет мощнее, ярче и на его границе тьма бессильна. Вот к чему стремиться надо.

– Пока не знаю, как после таких нападков вообще начинать что-то делать. Мне хотелось их всех отпиздить большим молотом. Желательно ещё и горячим, чтобы максимально больно было.

– Я тебя очень хорошо понимаю. У меня тоже был такой трешак, первый год, как решила своё агентство открывать. Приходилось самой всё делать, даже стены красить и шторы вешать, лишь бы избавиться от кривых рук и наездов заказчиков. Там немного другое было. Но ты прав. А сейчас больше способов уничтожить любой нормальный бизнес в России, чем тогда. Теперь вообще любое проявление искусства, чистоты, красоты и пользы для людей пресекается на корню. Чем светлее и чище образ, чем больше польза и чем лучше твоё дело делает для других, тем больше на тебя ополчается система. Ты светишь, а тьме это ни к чему. И вот что, поменяй систему безопасности и сигнализацию. Мой тебе совет. Я не пойму что, но чувствую изъян. Я не очень хорошо разбираюсь в этих энергиях, я души читаю. Но чувствую, что-то не так.

– Шеф, – без стука влетел в кабинет Артём, – там что-то искрит в кладовой, за стеллажами, нужна ещё пара-тройка рук, сдвинуть не может стойки.

– А четыре не подойдёт? – быстро направились к нему ведьма.

Артём только руками развёл.

Хранитель чуть опередил её и бросился вперёд по коридору.

– Сигнализация, – уверенно сказала ведьма.

– Да, – подтвердил её опасения Артём. – Щиток там стоит. Как догадалась?

– Я ведьма, – подмигнула она и быстро побежала вниз по гулкой металлической лестнице на первый этаж.

Глава 10. Нас видно

- Привет. Поедешь с нами на кладбище в субботу Илью проведать? – спросила Ведьма.
- Кого? – недоуменно переспросил хранитель.
- Ты чего!? – возмутилась ведьма. – Илью! Ты вообще у него был хоть раз?
- Нет... – уже другим тоном ответил хранитель.
- То-то же.... Боишься, что кто-то заподозрит у тебя наличие души? – не без сарказма спросила ведьма.
- Хранитель молчал.
- И? – нетерпеливо воскликнула ведьма.
- Поеду.
- Я тебе перед выездом позвоню. За час. У тебя будет ровно час, чтобы добраться до Матрёнина базара. Понял? Я куплю там цветов и поедем.
- Понял.

Ведьма и малышка весело о чём-то переговаривались, держались за руки и ничуть похожи не были на скорбящих по усопшим. Когда они подошли ближе, хранитель услышал, как ведьма рассказывала дочери какую-то историю о бабушке. Малышка смеялась.

«Правильно, – подумал хранитель, – очень правильно помнить радостные события. Во всяком случае, слёзы и скорбь можно и до кладбища приберечь. Без показухи. Как всегда, что у неё на душе и в мыслях, знает только она сама. Хотя, пожалуй, это и усложняет наши странные отношения. Как теперь-то угадать? И как самому себя вести с ней сегодня? Здесь и там. А если, правда, накроет эмоциями? Нет, она, конечно, не осудит. Конечно, нет. Она любила Илью. А он её ещё больше. И я люблю. Ещё больше, чем Илья».

Ведьма послала хранителю воздушный поцелуй и подмигнула.

– Здравствуйте, девочки.

– Иет! – первой ответила малышка.

– Привет, – ласково сказала ведьма и позволила поцеловать себя в щеку.

Она кивнула в сторону цветочных рядов. Все вместе несколько раз неторопливо прошлись туда-сюда.

– Я выбрала, – сказала ведьма и решительно направилась к одному из ларьков.

– Я тоже, – серьёзно поддакнула мелкая.

Хранитель едва смог скрыть улыбку. Яблочко от яблоньки. Ведьмы большая и маленькая. Интересно, она тоже воин? Или обычная? Как все? Хотя тут будешь, как все. Хранитель пока не понимал, есть ли вообще в этой войне света и тьмы какой-то нейтральный серый цвет. Есть ли не участвующие в войне люди? Или это в принципе невозможно, учитывая, что всё есть порождение Истока и суть Он сам?

Ведьма стояла у огромного вазона с белыми розами. Выбирала глазами, затем чётким движением руки выдёргивала понравившийся цветок, несколько секунд любовалась, нюхала и следовала очередь другого цветка. С первой розой продавец хотела возразить, прервать такое самоуправство, но ведьма на неё лишь мельком искоса взглянула, тётка скукожилась и замолчала.

«Ведьма! – тем самым суеверным шёпотом, но с огромной долей иронии и даже гордости откликнулось второе «я» хранителя. – Одним взглядом!»

– Я тоже выбрала, – напомнила о себе мелкая.

– Ты помнишь, какие цветы любила бабушка? – ласково спросила ведьма.

– Конечно, мамочка, – ответила мелкая и отошла в сторону.

Ведьма подняла голову и посмотрела на хранителя: «Присмотри за ней», – прозвучало у него в голове. Голос этот был, бесспорно, её, но, о боги! – он был как будто из стали! Ни намёка на нежность, никакого просящего тона. Жёсткий безапелляционный приказ. Хранитель кивнул и пошёл вслед за малой. Она отошла недалеко. Выбрала для бабушки гору разноцветных хризантем и метёлочки каких-то очень мелких цветочков. Продавец их вставила в букет и они покрыли его белой дрожащей вуалью. Вышло интересно и со вкусом.

«Молодец, девчонка», – подумал хранитель, а вслух добавил:

– Сколько с нас?

– За меня пватить не надо, – предупреждающе вскинула руку малая. – Я сама!

Она достала из сумочки с ёжиком кошелек в виде котёнка и протянула продавщице две аккуратно сложенные крупные купюры.

– А это разве не твой папа? – вдруг заволновалась продавец. – А то я милицию вызову!

– Это бодигалд, – гордо ответила мелкая.

– Хра... – было начал Хранитель, и тут же поправился: – охранник. Я её охранник.

– Ну, надо же, – удивилась тётка.

Она потеряла купюры и одну вернула девочке:

– Я вам хорошую скидку сделала, – сказала она, глядя хранителю прямо в глаза.

Хранитель оценил, что это их с малой тандем вызвал такое странное поведение торговки. Вот только его теперь всё время волновал вопрос: этот страх у людей, потому что они на другой стороне или потому что цена слишком завышена? Раньше он думал, что его побаиваются, потому что он здоровенный дядька с хмурым лицом, а теперь думает, что если человек с гнильцой или хочет обмануть и получается, ему теперь тоже надо научиться это чувствовать. Потому, что в его присутствие – воина света – она испытывает реальный страх, или просто потому, что попробуй тётка обмануть малую, то ей пришлось бы иметь дело с ним: 190 см роста, 100 кг веса, кулак размером с голову и стальные тёмно-серые глаза.

– Поедем же, – нетерпеливо напомнила о себе ведьма.

– Хаоший? – малышка протянула ей букет.

– Лучший! Ты молодец у меня, – ведьма присела и обняла дочку.

Ему тоже хотелось их обнять, но не при всех. Хотелось тишины и нежности вдали от лишних глаз.

Глава 11. Благословляю

До кладбища было совсем недалеко. В машине висела какая-то странная тишина. Ни музыки, ни разговоров, даже малая притихла и смотрела в окно.

На въезде девушка подала мужику в кепочке через открытое окно руку, он пожал её и открыл ворота.

– А в руке у неё была денежка, – сказала ведьма, медленно въезжая на территорию кладбища, – сюда на машине можно только через денежку и тайное рукопожатие. А пешком идти нам очень-очень далеко. Я хочу ещё бабушку навестить. Предлагаю начать с неё. С бабулей я могу спокойно поговорить, а вот после Ильи...

Хранитель смотрел на её бледный профиль, чуть склонившуюся к рулю фигуру. Она волновалась. Очень. Поэтому молчала.

Могилка бабушки была чистая, ухоженная, пестрела мелкими цветочками. С фотографии на хранителя смотрела хорошо знакомая ему женщина лет 50 с высоко взбитыми волосами, строгим пристальным взглядом, слегка улыбающаяся. Малышка поставила букет в гранитную вазу и погладила фото по лицу:

– Бабуся, твои любимые цеточки. Как ты тут, моя хаошая?

Ведьма закрыла рот рукой, по щекам быстро потекли слёзы.

Хранитель обнял её и нежно прижал к себе:

– Вся в тебя, – шепнул на ухо.

Ведьма согласно кивнула.

Несколько минут все молчали. Затем ведьма убрала старые цветы, опавшие листья, полила из бутылки живые кустики. Мелкая сидела на лавочке и болтала ногами. Хранитель устроился рядом. Ведьма достала из сумочки на поясе несколько тонких свечей, спички, листок бумаги. Воткнула свечи прямо в землю и по одной зажгла.

Мелкая дёрнула хранителя за рукав:

– Сатри, мама разговаривает с бабусей. Учись, Вауля.

Хранитель многозначительно кивнул. Он ровным счётом ничего не понимал, но видел, как колышется воздух над свечами и как она шепчет что-то, зажигая свечи, прикрывая ладошкой неверное пламя спички.

«Он пришёл, ба», – одними губами говорила ведьма. Произнести это вслух она не решалась. Едва хватало сил вообще шевелиться. Хотелось броситься ему на шею и выплакать все эти страхи, ужас и боль, что накопились за столько лет, хотелось кричать, говорить много и долго. Хотелось, чтобы он знал про всё и всех. Но так было нельзя. Это причинило бы больше боли и ей, и ему. От слёз бывает легко. Кто спорит. Но когда один на один: ты и подушка. А когда другой человек принимает твою боль через твои слёзы и истерики. Вот тут большой вопрос. Надо ли? Если речь не о нём, то сочувствие и соучастие на пользу. А когда будь он рядом, то всего этого не было бы – тогда боль, вина, а порой и желание уйти снова. Мужики так бояться слёз и не умеют сочувствовать. Ну, что проще: подойти, обнять и сказать «я так тебя понимаю», даже если не понимаешь ни хрена.

Но нет, от этого мужиковость пострадать может. Вот ему на это понадобилось слишком много лет и слишком долго слушать всех вокруг, но только не её. А ведь поначалу всё было лучше некуда. Кто бы знал.

Всякий раз, когда этот внутренний диалог доходил до тех странных событий у неё внутри всё холодело и она чувствовала, как злость и раздражение буквально наполняют изнутри. Она сколько времени отдавала поискам равновесия и умению хладнокровно расправляться с врагами, не испытывая к ним ничего и ничего не транслируя в мир, чтобы не подпустить к своим, не

оставить следов, чтобы научиться защищать себя и их. Как говорил дед: Любовью можно поселить Свет и в тёмной душе. Но когда тебя пытаются убить – стоять истуканом преступление. Погибнешь и ты, и все, кто за тобой. Защищай и неси Свет. Защищай того, кто несёт Свет. Воин и хранитель. Каждый из нас.

Ведьма без отрыва смотрела на свечи. Они горели ровными длинными языками.

Огня она не видела, вся была где-то внутри своих мыслей, воспоминаний и не обращала внимания на пламя. Оно согревало ладони и помогало погрузиться глубже. Она как будто держала его в руках, и со стороны это выглядело странно и жутковато.

Мелкая смотрела по сторонам, а хранитель не мог отвести глаз от девушки. Его любимая почти не двигалась, сидя на коленях на траве перед могилой, и между её ладонями тянулись вверх тонкие иглы огня, ровные как струны. И огонь этот был какой-то странный, как будто плотный. Так горят газовые горелки, он-то знал точно, так вырывается пламя из сопла ракеты, ну уж никак не из свечей. Пламя свечей должно гореть слабо, колеблемое даже едва заметным движением воздуха, медленно и плавно двигаясь. Этот благоговейный трепет он видел в храме. Тонкое и зыбкое колебание свечей напоминало ему о ней, о романтических длинных вечерах в её доме, которые так далеко теперь. Они как будто были символом чего-то, что только должно случиться. Они предвестники неувидимого, прекрасного, что тревожит душу и согревает сердце, что может изменить твою жизнь в одночасье. Это касалось и любви к богу, и любви к женщине. Стоит только впустить их в сердце, как дороги назад уже не будет. Он точно знал. Он исколесил этих дорог слишком много. И слишком многие без раздумий променял бы даже на один день такой, как он мечтал когда-то для них двоих.

Столько времени впустую. Вот и бабушки нет. А она его любила. Это было заметно. Всегда смотрела на него с нежностью и грустью. Его смущало это. Очень. Помнится, думал, что она жалеет его почему-то. Как будто хороший он парень, но не ровня её внучке. Тогда он так думал. Теперь боится спросить. Но если она одна из них, то... Возможно, видела будущее и видела вот это всё. Знала, что он уйдёт. Тогда почему не остановила?

Зябкий ветерок пробежал по спине. Он повёл плечами и посмотрел на малышку: не холодно ли? И буквально обомлел. Она смотрела куда-то за памятник и светилась золотистым искрящимся ореолом. А за памятником стояла бабушка. Почти как живая. Лишь слабо было заметно, что её образ пронизаем для солнечных лучей, но лицо, глаза, даже цветочки на сером строгом платье он различал отчётливо. Он ещё раз перевёл взгляд на мелкую. Та широко улыбалась.

Видит её. И он видит.

И без того короткие волосы, казалось, встали дыбом. Он было хотел встать, даже сам не понял почему. Как школьник перед педагогом. Вообще этикет обязывал встать, когда женщина входит, чтобы поздороваться. А если с того света входит?!

И она... Она не видит.

Надо ей сказать. Ведьма сидела над свечами, а они полыхали упорными длинными языками. Он и сам не понимал, что в каком порядке делать. Страх, непонимание, суета, всё закипело внутри одновременно.

Бабушка подняла руку и одним жестом велела сесть и не суетиться.

«Успокойся, хороший мой», – услышал он её голос и думал, поседает от ужаса.

Он никогда особо в такое не верил и ещё не привык к чертовщине, которая теперь творилась наяву и во сне. Как будто его возвращение к ведьме открыло ворота в какую-то страшную сказку и повалили оттуда вурдалаки. И мертвяки.

И тут же осёкся в своих резких мыслях. Понимал, что она слышит каждую из них. Бабушка его любила. «Хороший мой» – она только так его и называла. Здорового парня, больше её раза в три, как котёнка малого. Ему при ней всегда как-то хотелось сжаться, но не

от страха, а чтобы быть поближе к её теплу. И его ведьма была такая же. Сначала нежность. Чтобы она ни делала, сначала нежность, потом всё остальное.

Бабушка так и стояла. Малышка улыбалась ей и болтала ножками. А он истерил внутри себя от того, что видит и чувствует. И ещё ему запретили вставать, иначе бы он метался из угла в угол, как загнанный зверь. Как он шагами мерял свой офис ещё несколько недель назад, кажется, протоптал целую тропу в камне. Не мог понять, стоит ли идти, не пошлёт ли она его за тридевять земель, где ему самое место после того, что он сделал. Или не сделал. Поверит ли его снам и всему тому, что после них? А она только: «я ждала». И улыбка. Родная такая. И всё как будто оборвалось внутри. И с души камень, и с плеч гора, и хочешь на колени падай и прощения проси, хочешь на руки бери и неси, куда хочешь. Хоть разорвись. И уже понимаешь, что действительно ждала. Не как шеф на планёрку. А всю жизнь ждала. Всё простила, любит.

Как вот это всё вместить в себе? Как принять? Какая же буря в это время внутри... А ты мужик и тебе вроде как нельзя... Ну, точнее не положено вот это всё. Эмоции эти. Ты же не гламурный дизайнер Сашка. Ты кузнец... Всего чего угодно, но только не своего счастья.

«Всё так, хороший мой. Впусти любовь в своё сердце. Сейчас».

Холодок опять пробежал по спине.

«Всем страшно. Но разве тебе с ней страшно?»

Он затряс головой. Нет, конечно, с ней наоборот.

Да! Точно! С ней как раз не страшно вообще. Он сам удивился тому, что впервые в жизни обнаружил такую простую, но очевидную для самого себя вещь. А ведь ему с ней никогда не было страшно. За неё да. А с ней... Они прыгали с парашютом, ночевали в лесу, бродили до зари по всему городу, залезали на самые высокие крыши. Как многие в юности пробовали мир на прочность. Как будто не дышалось и не жилось без адреналина. Тем более, без неё. А без неё была какая-то тягучая тоска и какая-то пустота. Вроде и занят всё время, буквально сутки напролёт. А что-то не то. Ничем себя не наполнить.

«Вы – одно, хороший мой. Одна душа».

– Одна душа, одна душа, – повторил он вслух, как будто иначе никак было не дойти до понимания.

Она вздрогнула и повернулась. Пламя свечей мгновенно утихло, превратилось в слабые огоньки.

– Что ты сказал?

– Одна душа...

Она села на траву возле могилки и прислонилась к камню.

Образ бабушки медленно таял в воздухе.

Они смотрели в глаза друг другу. Не отводя взгляда, не моргая, удивлённо и выжидающе. Она так ждала этого объяснения, а теперь и не знала, как реагировать. Всё так. Такая простая фраза и так много надо объяснить.

И он думал примерно о том же: они – одно. У них одна душа на двоих, ведь это имела в виду бабушка, когда он говорил о своей пустоте внутри. Когда они вместе – нет пустоты. Потому что душа сливается. Логично. Как кувшин без дна. Сколько ни лей, будет пусто. А вместе они кувшинчик с дном. И они не только наполнены, но и отдавать могут. Вот ей хотя бы, он отвёл глаза и посмотрел на мелкую. Она продолжала болтать ногами и с интересом его разглядывала. Видимо, они с бабушкой тоже о нём разговаривали.

«Вот когда появляются дети. Когда есть из чего отдавать. Вот когда всё идёт в рост. Когда ты переполнен и есть что отдавать. Хорошее. Добро».

Он снова повернулся к ведьме.

На этот раз она едва заметно улыбалась. И она его тоже слышит. Он опустил глаза и покачал головой.

«Как всё просто».

Глава 12. Твои глаза

- Пойдём к Илье.
- Он подал ей руку, помогая встать.
- А ты знаешь Илью? – спросила малая.
- Да, он был моим лучшим другом.
- А я? Я думала, я была твоим лучшим другом? – ведьма подмигнула ему.
- Всегда, – он притянул её к себе и поцеловал в макушку.
- Везёт тебе, Вауля, – сказала девочка. – А я с ним ещё не знакома, наверное.
- Интересная формулировка, – удивился хранитель.
- Ну, она уже видит. Но не всех же знает и не всё понимает.
- Фотографии же есть Ильи...
- А ты реально думаешь, что он там выглядит так же, как здесь?
- А разве нет?
- Да с чего бы? Душа вечна. А Илья – один из великих учителей.
- О, Господи, это ещё что?
- Ну, он круче тебя, если что.
- Ах, так... Ну посмотрим. Я так понимаю, что вопрос нашей встречи, это вопрос времени, раз уж я бабушку только что видел.
- Ведьма отстранилась:
- Когда?!
- Да только что. Пока ты там волшебные пасы со свечками делала, мы с малой видели бабушку, да, кнопка?
- Ага.
- Ого. Везёт некоторым. Я уже так давно её не видела. И как это было? – она с надеждой смотрела в его глаза.
- Да странновато. И страшновато тоже. Я как-то покойников не видел раньше. И они со мной не разговаривали.
- Она с тобой разговаривала? Ты слышал?
- Внутри головы. Но точно её голос был и мелкая её видела. Ты что, не веришь?
- Верю-верю. Просто я не думала, что это будет так.
- А как должно быть?
- Да я вообще не знаю. Я просто ей рассказывала о своих мыслях по поводу всего за последнее время. Ну как бы я обычно с ней разговариваю. Да, я понимаю, что...
- Это нормально. Мы все иногда разговариваем с теми, кого нет.
- Она понимающе кивнула.
- Конечно, ей не забыть: его родители погибли, когда ему было лет 10 и его воспитывали дедушка и бабушка. Но сейчас не решилась спросить, как они, хотя чувствовала, живы. Тут она точно не ошибалась.
- Так что там с Ильёй, – ушёл он от темы покойных родственников. – Когда я его увижу?
- Не знаю, но уверена, что скоро. Он так рад тебе будет! Я уверена, что и сейчас рад...
- она слегка покраснела.
- Думаешь, он сейчас нас видит? – чуть прищурившись, спросил он и мягко потянул её к себе.
- Она лукаво улыбнулась.
- А он нежно её поцеловал.
- Ой, ну всё! – раздался голос мелкой.

Они оторвались друг от друга и рассмеялись. Он на мгновение поймал себя на мысли, что это вроде кладбище. Но, кажется, бабушка их благословила или как-то так. От этого было радостно и тепло.

Она крепко сжала его ладонь и потянула за собой.

– Илья всё-таки тоже ждёт.

– Спасибо, ба!

– Пока, бабусечка.

– До свидания. И спасибо...

У могилы Ильи весь заряд позитива как будто ветром сдуло. Ведьму заметно трясло. Руки дрожали, когда она забирала с заднего сиденья авто две крупные белые розы.

Она тяжело опустилась на каменную скамью у забранной в высокий гранитный короб могилы друга. Родители Ильи решили всё закрыть, чтобы с годами, когда их не станет, последнее пристанище единственного и рано ушедшего сына не превратилось в колючие заросли. Поэтому всюду был серо-чёрный гранит и такой же мрамор.

Сияющая на солнце тьма на могиле самого светлого человека из всех, что она знала. Это был цвет скорби и бесконечного горя, которые теперь с родителями навсегда.

Ей было проще. Она точно знала, что это лишь этап. Они снова увидятся, они снова будут вместе. Родители тоже в это верили. Но по-своему и их веры никто бы не рискнул оспаривать.

Ведьма точно знала, что он придёт встретить своих родителей таким, каким они его знали. А уж потом или покажется, как есть, или проводит к месту отдыха, расставшись навсегда. Наверняка, они заслужили новую хорошую судьбу тем служением, которое несли на этой земле, но уныние и многолетняя скорбь убивают душу. Ведьма их очень жалела, и как воин и как женщина. Теперь, когда рядом была маленькая дочь, она иногда ощущала себя безбашенно агрессивной львицей, готовой порвать всё и всех за дочь. И расстаться с ней она не была готова ни за что. Она даже близко не хотела пускать в себя такие мысли. Уж очень хорошо она знала, как они умеют воплощаться. Дай волю страху и он материализуется.

Она слишком хорошо помнила, какой дикий коллапс она переживала, когда читала впервые сама об истории Марии и Иисуса, и как она пропустила это всё через себя и чуть не умерла от горя и сочувствия. От страха, от понимания, что она так не смогла бы. Ни за что, ни ради какого Бога. И сейчас понимала, что нет, не сможет. «Да минует меня чаша сия».

Никак не могла понять, как Мария нашла столько сил для служения сыну и отдала его этим варварам, потому что так ей велел её Бог. В себе она столько сил не нашла бы. Поэтому больше не хотела впускать в себя эту боль.

Ей итак много лет не давало покоя чувство вины перед Ильёй. Ей казалось, что она не дала ему своей любви, внимания и заботы. Казалось, что должна была его спасти от смерти. Святая наивность... Дед долго разяснял ей, что у каждого свой путь и столько раз спрашивал, а против ли был Илья такой жизни? Она не помнила, чтобы он такое даже вторым планом где-то имел в виду. Он всегда знал, что путь его недолог и старался отдать как можно больше любви. А они? Смогли ли они хоть немного любви дать ему? Не казались ли они ему непроходимо злыми и тупыми. Да, конечно, нет! Он видел скорее детей, которые только познают любовь, чем зло и жестокость. Просто он великий учитель. А они всего лишь воины, бойцы на передовой, они знают, что их задача идти вперёд с верой в душе и отринув страх. Всего замысла им не дано понять. Они лишь пытаются понять и принять любовь, как единственную ценность во Вселенной. Они только пытаются понять миллион её граней и миллиард оттенков. А он видит дальше и глубже, настолько неизмеримо больше, что даже его уровня достичь – почти сказка. Он у начала всего сущего, у самого Истока.

Она присела на колени у могилы, поцеловала бутон пышной розы и дрожащими руками положила цветы на холодный камень. А потом опустилась рядом. Он заметил, как она будто сгорбилась, волосы упали с плеч и заслонили лицо. Он понял, что она плачет и присел рядом,

отвёл рукой волосы. Её глаза были закрыты, а из-под ресниц буквально струились слёзы. Она не вытирала, а скорее смахивала у подбородка, вся погружённая в свою боль и скорбь. Он сжал её руку и отвёл глаза. С камня на него смотрел Илюха. Глаза в глаза. Как живой. Широко улыбался, волосы топорщились в разные стороны. Он готов был поклясться, что его лицо было взято с той самой фотографии из похода. Там они все трое молодые, счастливые, с обгоревшими носами. Вот только рубашку дорисовали, потому что на фото парни были в одних плавках, а она в тонкой хиппи-тунике с красивыми разноцветными вышитыми узорами и смешными кисточками из пряжи. Илюха сидел посередине, а они как будто обнимали его и все трое пытались не упасть в камыши с толстого и серого от воды и времени бревна.

Эту боль, как будто выталкивающую крик и слёзы откуда-то изнутри ни с чем не перепутать. Крик он подавил, а слёзы прорвались. Он тысячу лет не плакал. А может миллион лет. Она даже вскрикнула, так больно он сжал её руку, пытаясь побороть в себе эту дикую боль, которую причиняют слёзы по утраченному.

«Боже, как женщины умудряются так много плакать?! Это же так больно!» Он выпустил её руку и вытер лицо. Она протянула ему тонкий батистовый платочек. Он осторожно взял его. Совсем как тогда. Только на этот раз ему хватило ума повернуться и обнять её, зарёванную, несчастную, с такой же разорванной и болящей сейчас душой. Её, такую же потерявшую столько же, если не больше. Женщины умеют любить слишком сильно. А она вцепилась в него, как в последний оплот, снова заплакала.

Идиот! Это же надо, какой он был идиот тогда. Он так сильно сжимал её в объятьях, как будто хотел запихнуть куда-то прямо в сердце, прилепить к себе насовсем, навсегда.

Она гладила его по шее, по щекам своими ледяными тонкими ладошками, а ему хотелось завернуть её во что-нибудь тёплое и пушистое и унести подальше от боли и страданий, назад лет на 10-15, где ничего этого ещё не случилось.

Вдруг стало жарко. Он открыл глаза и увидел, как всё вокруг заливают солнечный свет. Серый осенний день, унылый и безрадостный, вдруг стремительно превращался в лето. Сентябрь может удивлять. Она тоже отстранилась, посмотрела вверх, где от солнца в разные стороны вопреки основам мироздания убегали мутные рваные облака и разливалась лазурь.

– Илья пришёл, – со знанием дела сказала малышка, снова болтая ногами на лавке.

Ведьма засмеялась.

– Спасибо, Илья! – крикнула она, задрав голову к небу.

Он с удивлением смотрел на неё: щеки в потёках слёз, мокрые ресницы, слегка покрасневшие глаза, растрёпанные волосы, а всё равно самая красивая и желанная. И очередная волна щемящего счастья. Ну что за баба, только острые эмоции с ней рядом, только хардкор! Такого ни один мужик не выдержит. А без неё уже никак. И никогда теперь. Бабушка благословила, как он понял, и Илья тоже.

Вот сейчас он его увидит. Несмотря на нещадно палящее солнце, вдруг стало холодно. Он искал друга. Пытался увидеть среди длинных кос молодой берёзки, посаженной ими через год после похорон, среди монументов чужих могил, но нигде его не было. А они – его девочки – чувствовали присутствие Ильи и улыбались. Она утирала редкие слёзы и смотрела на хранителя такая счастливая теперь. А он опять ничего не понимал.

– Я его не вижу.

– Он – свет, – как-то кротко и тихо ответила она, чуть склонив голову.

– Он солнышко принёс, – пояснила туповатому хранителю малая.

А именно таким он себя сейчас и чувствовал.

– Ясно, – коротко ответил он и попытался улыбнуться.

– Ты его чувствовал сейчас, а скоро увидишь, верь мне, – она протянула ему обе руки ладонями вверх.

Его бесконечно трогал всегда этот жест. Обычно женщины подают обе руки ладоням вниз, как будто приказывая мужчине подставить свои руки и принять её. А эта наоборот. Как будто в этих ладонях была вся любовь и нежность к человеку и она её отдавала. Вот и вся разница. Вот вам работающий тест на любовь: вот тебе моя любовь и нежность или другое – подставь руки, я заберусь тебе на шею. И говорить ничего не надо, наблюдай, смотри, запоминай. А он слушал. Ушами. Других. Долго. Кузнец не своего счастья.

«Зачем ковать розы из металла, когда у тебя в руках такая роза, как она?! Живая, настоящая... Нет, с мужиками определённо что-то не так. Хотим мы изысканных блюд дорогого ресторана, а покупаем пельмешки. И так во всём».

Глава 13. Закаты не повторяются

Ведьма и Хранитель сидели на капоте машины и смотрели на закат. Малышка мирно спала в машине на заднем сиденье.

Закат был волшебным. За рекой тёмная полоса леса делила видимый мир на две половины. Серо-сизую гладь воды и наступающие сумерки снизу и взрыв красок наверху.

Сидели молча.

Краем глаза он видел, что ведьма всё глубже старается укутаться в свою куртку, как-то съёживается и вдруг услышал её тихие всхлипывания.

– Ты чего? – тревожным шёпотом спросил он. Ведьма вытерла ладонями слёзы и повернулась к нему:

– Понимаешь, – сказала она, – когда-то давным-давно, много лет назад у меня был очень близкий друг... – голос сорвался, по щекам потекли слёзы. Ведьма закрыла глаза и отвернулась к закату. Она слегка запрокинула голову, как будто пыталась остановить поток слёз и продолжила:

– Мой гуру, учитель, святой человек. Я его очень любила. Люблю...

Она опять замолчала. Хранитель не пытался вставить ни слова. Он ждал.

– Он умер. Много лет назад от тяжёлой болезни. Шансов не было. Он знал о своей болезни с самого детства. Знали его родители. Все знали... – она закрыла лицо ладонями, пытаясь удержать рвущийся крик.

Хранителю хотелось протянуть руки, обнять её крепко-крепко и впитать её боль и стон, защитить от этого воспоминания. Но не мог. И не мог понять, почему он не владыка своим рукам и ногам. Тело не слушалось, а душа тянулась к ведьме изо всех сил...

– Я раньше любила закаты, – продолжила ведьма, справившись со своими эмоциями и вновь овладев голосом. – Очень любила. Ты можешь себе представить, – она повернула голову к хранителю, оперлась руками о капот и вся подалась вперёд, – что с самого начала мира не было ни одного заката, который бы повторился?

В её глазах было столько страсти, жажды и восторга. И всё это касалось не его, а её, её поразительного единства с миром и Истоком. Она не просто Его дитя и воин, она сама как Исток и всё лучшее в нём.

На её вопрос он только покачал головой.

Она снова отвернулась к закату.

– А вот представь, ни одного заката не повторилось. Однажды, – она снова склонила голову и смотрела куда-то вниз в тёмную траву, где уже кружилась мошкара и поднимался влажный туман, – однажды... когда он был уже тяжело болен, мы сидели на диване у него дома и болтали о всякой ерунде. Ну, обо всём на свет. И он мне рассказывал, как у них был дом в деревне и дивный сад.

Она откинулась назад и снова закрыла лицо руками.

– Дивный сад, – слёзы снова полились ручьями, а голос стал тише и превратился в скорбный, полный отчаяния шёпот, – дивный сад из которого каждый день можно было наблюдать потрясающие закаты. Закаты! Понимаешь? Закаты!!! Закаты... – повторяла она снова и снова заливаясь слезами и погружаясь в боль всё глубже и глубже.

Душа хранителя всё глубже ныряя за душой любимой в этот омут, вдруг взорвалась дикой болью и ринулась обратно. Хранитель схватился за грудь. Боль была нестерпимой.

– Ты говоришь про Илью ведь? – едва смог выдавить он.

Ведьма повернулась с горькой улыбкой и кивнула.

– Ты любила его? – спросил шёпотом хранитель, стискивая до боли кулаки.

– Он всегда говорил, что ты дубина, – усмехнулась она и отвернулась. – Он святой человек. Мой учитель. Я безумно тоскую по нему. Мой ангелочек...

– Он тоже тебя любил, – чуть громче сказал хранитель.

Ведьма кивнула:

– Ты знаешь, мне снятся рабочие сны. А он не снился очень много лет. Я каждый раз, когда вспоминаю его, переживаю такой катарсис соприкосновения со светлой чистой душой, что ничего кроме слёз и отчаяния и быть не может. Мне до его ангельского чина не добраться вовек. Он из светлого воинства и вернулся туда, чтобы дальше нести Свет. Он там высокий, красивейший и с огромными крыльями, – она широко раскинула руки и подняла лицо к небу. – Я знаю, он слышит меня и видит, потому что я его слышу и вижу.

Она резко снова сжалась в комок и на этот раз сквозь ладони, закрывающие лицо, хранитель услышал тихие рыдания.

Он сгрёб её в охапку одним мощным движением и прижал к груди сильно и нежно. Она так и прильнула к хранителю и тихо рыдала, едва заметно покачиваясь.

– Я замёрзла, – сказала она вдруг, тихонько высвободилась и ушла в машину. Вернулась с двумя пледами и термосом. Машина легко задрожала. Заработал двигатель, согревая воздух внутри, где безмятежно спала малышка.

Она подала плед хранителю и стала наливать горячий кофе в металлические кружки.

Хранитель молчал. Сейчас она, замотанная в плед, со слегка сбившимися волосами, чашкой чего-то, источающего пар в ночи и правда была похожа на ведьму из сказок, причём опасную ведьму, внушающую страх. А должна была внушать уважение и трепет. Перед ней хотелось склонить голову, перед величием её души и глубиной её любви и уважения к наставникам.

– Тогда, когда благодаря нашим чудо-врачам он ослеп от лекарств... – продолжила она как будто с середины предложения. – Тогда было ещё чудовищнее слушать про закат. Я так старалась все эти два года фильтровать речь, исключать из неё слова «глаза, видеть, смотри» и прочие... А я ведь всё время их употребляю... У меня слово «смотри» – слово-паразит. Тяжело было нереально. И тут вдруг сидим и болтаем ни о чём, и он начинает в таких подробностях, в звуках, запахах, красках, ощущениях рассказывать про закаты... – ведьма зябко поёжилась и спрятала лицо в парах горячего кофе.

Хранитель тоже отхлебнул из своей кружки и смотрел в пустоту.

– Я думала, у меня сердце разорвётся от боли... Какая сила воли, какое самообладание... рассказывать зрячему человеку о закате... Я его, этот закат, вижу каждый день, и ещё буду видеть сотни, тысячи раз, а он его последний раз видел чётко бог знает когда, а рассказывает так, как будто сумерки спустились полчаса назад и ещё перед глазами полыхают зарницы, ещё чувствуешь, как постепенно тёплый ветерок сменяется чуть прохладным, как поднимается лёгкий туманец над травой, как мир наполняется другими запахами и звуками, как загораются первые звёзды. Боже, это так жестоко... Я знала, что он не видит меня и изо всех сил старалась не выдать ни голосом, ни дыханием своих слёз... А наревела я тогда будь здоров... Не знаю, получилось ли... Но уходила я как раз в закат... Он вышел проводить меня, хотя еле находил силы, даже чтобы лежать. Даже мама его вышла, просила вернуться в кровать, но он отказался, сказал, что проводит девушку сам. Проводил. Я уже не знала, чем слёзы вытирать, кажется, вся мокрая уже была... Я его обняла на пороге и поняла, что это точно всё... Я почему-то никогда в этом ощущении не ошибаюсь, всегда точно знаю, что вижу человека последний раз в жизни... Ни разу не ошиблась...

Он молча взял её за руку. Столько лет прошло, она впервые рассказывает это всё ему. Именно сегодня, после их второго в жизни совместного визита на могилу друга. Почему они не были там раньше вдвоём?

– Я вышла, вцепилась в перила на лестничной клетке и не могла двигаться, у меня под ногами мир рушился, я не могла ни идти, ни сесть, ни черта не видела из-за слёз и дышать уже

не могла, мне хотелось сдохнуть, просто тупо сдохнуть... Я не знала, что делать, я, кажется, всё перепробовала, но ни реальные дела, ни молитвы, ни обращения к мастерам толку не дали. В среднем все ответили – это карма. Вот мне интересно, моя тогдашняя начальница, которая из этих, псевдогуру, когда её на пенсию отправляли насильно, тоже понимала, что это карма или бегала, просила не лишать её смысла жизни?

Хранитель по голосу понял, что ведьма говорит сквозь зубы, едва сдерживая гнев. И то только ради памяти друга, никак иначе. А то бы полыхало всё вокруг просто так, от ненависти к несправедливости мира.

Он не стал комментировать, это был вопрос не ответа ради, а крик души, от горя. Похоже, каждый раз, когда она вспоминает его, она переживает вот такую же боль. Мучительную боль, разрыв души и сильнейшие физические страдания. Но почему?! Хранитель уже много знал, но ещё так мало, чтобы понимать эту связь. А спросить пока не решился.

– Карма... Я так долго чувствовала себя виноватой в том, что не смогла ничего изменить. Я тогда ни денег не имела, ни связей. Я даже не знала толком ничего о своих силах. О своём роде, что у нас в роду все были со способностями. Что моим предкам 6 тысяч лет. 6 тысяч лет накопления и развития способностей.

– Сколько?! – хранитель даже не пытался сдержать эмоции.

– У нас за плечами вечность, – совсем другим тоном, с какой-то грустью, но и надеждой сказала ведьма. – 6 тысяч лет роду, в котором я пришла в этой жизни. Нам с тобой вообще без счета. Мы чуток моложе, чем акт творения.

– Не может быть, – выдохнул хранитель. – Ты точно знаешь?

– Более чем. Скоро ты тоже всё узнаешь. Если мы выживем.

Солнце почти скрылось за лесом, последние отсветы раскрашивали облака в нереально яркие розовый и синий. Ведьма смотрела, не отрывая глаз. Хранитель понимал. Она смотрит на закат его глазами, глазами друга, пытаясь то ли вспомнить, то ли понять...

– Ты знаешь, это всё взрывает мозг. Это как-то бредово и нереально...

– Ну, давай, оглуши меня откровенностью, скажи, что я сумасшедшая, – вскинув бровь, сказала ведьма.

– Я тебя люблю, – каким-то странно чужим голосом сказал хранитель и побледнел.

Она едва улыбнулась, потянулась к нему, коснувшись невыносимо нежно его щеки, мягко коснулась губами его губ и прошептала:

– Я знаю... Я тоже.

Глава 14. Под защитой

Долго ехали молча. Мелкая спала. Ведьма сосредоточенно смотрела на дорогу. На этот раз даже музыку не включила. Хранитель смотрел в боковое окно, иногда искоса поглядывая на спутницу. Она пугала и манила его одинаково сильно. Странно было осознавать, что они вот так рядом тысячи лет. Почему он ничего не помнит? Как странно, она знает о них столько всего, а он не в силах вспомнить, что вечно любил её. Он снова посмотрел на ведьму. В тусклом свете приборной панели она была необыкновенно хороша, черты лица заострились, в глазах отражались разноцветные огоньки приборов. Она не моргая смотрела на дорогу, удобно откинувшись в кресле. Левая рука её лежала высоко на руле, а правая на подлокотнике. Всё под контролем. Она знает, что делает и что делает всё правильно.

Он посмотрел в окно. В почти чёрном небе плыли звёзды, яркие и не очень, они то пропадали за огнями фонарей, то вновь всплывали. Где он, этот Исток? Насколько далеко? Можно ли вообще его увидеть? Почему-то хранителю казалось, что с Земли он непременно виден. Как далёкая туманность, откуда непрерывно яркими лучами всех радужных цветов разлетается по Вселенной нечто прекрасное, тёплое и живое. Непременно живое. Что-то почти осязаемое. И попадись ему на пути кто-то, оно пронизывает его насквозь нежностью, любовью, добром. Таким богатством чувств, что от переизбытка их наворачиваются слёзы.

Это тоже пугало хранителя: «Она знает. А я?»

Вот что пугало его едва ли не больше всего: она знает, что будет. А он нет. И что было. И чем дело кончится. А он – нет! И он постоянно из-за этого чувствует себя тупым идиотом. Она иногда сердится, но любит. Терпит.

Что же делать? Как вспомнить?

Он снова повернулся к ней. На этот раз она поймала его взгляд, улыбнулась одними уголками губ и положила свою руку поверх его. Отвернулась и снова – каменный взгляд на дорогу. Каждый раз, когда она вот так безмолвно отвечала его мыслям и чувствам, у него внутри что-то обрывалось. Хотелось бежать и от неё, и к ней. Она чувствовала его желания, мысли. А он только пытался. И его пугало, что она так точна и так нежна с его внутренними демонами. Где она, такая маленькая и хрупкая, берёт столько сил, мудрости, доброты? В нём поднималась волна. Гигантская волна нежности. Хотелось сгрести её в охапку и крепко-крепко прижать. Защитить, уберечь, подарить ей простой мир, без войны. Полный любви, простых забот и радостей, чтобы она не думала о спасении миллиардов параллельных миров во множественных Вселенных, чтобы играла с дочерью, чтобы обнимала его нежно по утрам и засыпала рядом с ним каждый вечер, уткнувшись в его плечо. К черту это спасение миров, что за бред! Я хочу обыкновенной любви для неё и для себя!

Ведьма свернула с магистрали на неширокую дорожку между сосен, и потянулись ряды коттеджей, в темноте почти похожих друг на друга. Несколько поворотов туда-сюда и вот машина почти упёрлась в стену деревьев. Ведьма резко вывернула руль вправо и свет фар отразился в тёмном гофрированном листе металла сантиметрах в 30 от машины.

– Приехали. Посиди тут с мелкой.

Она звякнула ключами и легко выпорхнула из машины. Буквально через минуту лист поехал в сторону. Оказалось, это роль-ворота.

– Отключаешь?

– Да. Ими можно и через Инет управлять. Но не поверишь, там в блоке управления симка стоит и ворота могут и открыться сами, и подписаться на рассылку новостей футбола или анекдоты. Сам понимаешь, не слишком безопасно. Ищу спецов, которые мне эту чудо-систему

поменяют на что-нить постарше и с тупым управлением пультом с двумя кнопками. Сейчас чем старше сигнализация, тем безопаснее.

– Ясно. Я тоже спрашиваю своих.

– Ок, будем искать.

– Мама!

– О, зайчонок, ты проснулась, – ведьма повернулась и погладила мелкую по ножкам. –

Не замёрзла?

– Нет. Мы домой?

– Приехали уже. Соскучилась по своим игрушкам?

– Нет, хочу шакаядку и мутики.

Дом у ведьмы не был похож на крепость. И был. Вроде бы небольшой, но основательный: широкое крыльцо, массивные поручни и ограждение, окна закрыты ставнями наподобие жалюзи, высокая дверь с коваными деталями, ручки-кольца с медвежьими головами, две скульптуры каких-то здоровенных собак у двери. Большие. Страшные.

Если бы не пакеты с продуктами в руках, хранитель бы погладил. Очень впечатляли. На крыльце вдруг загорелся свет и он инстинктивно отшатнулся: один из псов показывал зубы очень натурально и совершенно беззвучно, почти не двигаясь, выражал своё негодование. Это был огромный русский чёрный терьер. Собака больше похожая на чёрта лохматого.

– Чейз, свои, – спокойно потрепав оскаленную морду, сказала ведьма, и даже не посмотрела на хранителя.

– Собаканька, – мелкая обняла злыдня за шею и чмокнула куда-то в кучерявую шею. – Мама тебе кусяшки пупила.

– Вкусняшки, – поправила ведьма, открывая какой-то очередной замок.

– Кусяшки, – также смешно повторила малая, теребя собаку.

– Заходите, – в прихожей загорелся свет.

Это была длинная строгая аллея, по-другому не скажешь. Тёмного дерева брусья от пола до потолка, живые лианы на самом верху, между ними небольшие полочки, картины, какие-то безделушки, вроде дом. Но почему-то ощущение, что зашёл в сказочный лес, хранителя не покидало.

– Да поставь ты пакеты и разденься, – выдернула его ведьма из созерцания.

– В смысле? Зачем раздеться?

Ведьма усмехнулась и с неподдельным интересом посмотрела на своего гостя.

Хранитель медлил ещё буквально несколько секунд, пока до конца понял весь смысл фразы, потупился, неловко поставил пакеты куда-то себе под ноги, стал снимать ботинки и куртку одновременно. Ведьма только покачала головой, хлопнула себя по бедру и пошла вперёд по коридору:

– Закончишь, иди на кухню, – бросила она, удаляясь.

Чейз метнул на хранителя предостерегающий взгляд и процокал по каменному полу вслед за хозяйкой.

– Вот же идиот! – прошипел сам на себя хранитель.

Ему понадобилась ещё пару минут, чтобы разобраться с гардеробом, найти зеркало, попытаться сделать более-менее вменяемое лицо и почти бодро зашагать навстречу неминуемо ироничному взгляду ведьмы и её обычным подколам.

– Куда? – спросил он, приподнимая в руках пакеты.

– Сюда давай, – ведьма кивнула на каменный стол вдоль стены.

– Помочь?

– Разгружай в холодильник и на стол, сейчас разберёмся, – она уже что-то грела на плите.

Чейз навтыяжку сидел рядом и излучал почти добродетель. Ещё бы, где-то там, в недрах пакетов, лежали заветные «кусяшки».

Малая стояла на табуретке и с важным видом мыла руки, что-то мурлыкая под нос. Семейная идиллия. Хранитель погрузился в пакеты, стараясь аккуратно и незаметно быть полезным. Ведьма не смотрела на него, деликатно давая время уйти от неловкости. Хранитель это понял.

– Что на ужин? – спросила малая, залезая на высокий стул.

– На ужин надо переодеться в домашнее для начала, – ответила ведьма, доставая и из холодильника увесистую утятницу. – Я поставлю греться, разберёшь остальное? Мы скоро.

Хранитель кивнул и перевёл взгляд на Чейза.

– Присмотри за ним, – она подмигнула собаке.

Чейз почему-то облизнул нос. Получилось слегка кроважано. Хранитель перевёл недоумевающий взгляд с собаки на ведьму. Она лишь слегка улыбнулась и подмигнула ему тоже.

Девочки действительно вернулись очень скоро, малышка была в домашнем трикотажном костюмчике с вышитым оленёнком и смешных пушистых тапках с ушами. Вся в сером, но не грустном и унылом, а каком-то мило-пушистом, даже нежном. Очаровашка, одним словом. Ведьма тоже сменила строгий угрожающе-чёрный на светлый, тоже серый. Высокие гетры в серо-розовую полоску и какой-то не толстый, но объёмный то ли свитер, то ли платье, не короткий, но и не откровенный.

«Хороша», – только и пронеслось в голове хранителя.

– Все живы? – с улыбкой спросила ведьма, глядя снова на собаку.

Хранитель стоял, скрестив руки и ноги, опершись о стол у плиты.

– Живы, – ответил он. – Я всё погрел и выключил. Чайник закипел. Но я не знаю, какой чай тебе заварить на ночь, дорогая, – намеренно играя, он переводил внимание на себя, – а твой крокодил лохматый напускал слюней на пол. Я повязал ему слюнявчик.

Ведьма уже едва сдерживала смех: за ошейник Чейза была заткнута бумажная салфетка с маками, которой уже явно вытирали морду.

Чейз смешно чавкал и выражал крайнее нетерпение.

– Касиииво, – всплеснула руками малая.

– Руки покажи, – обратилась ведьма к хранителю.

Он протянул к ней открытые ладони, но она ловко проскользнула между ними и обняла его за шею:

– Добро пожаловать домой, любимый, – прошептала она.

У хранителя перехватило дыхание и он стиснул её в объятьях. Так просто. Он дома.

Ужин был сытный и обильный. Несмотря на очевидную стройность, ведьма ела прямо-таки как хороший мужик. Хранитель старательно скрывал улыбку, но такой аппетит ему нравился. Вкус к жизни. К тому же она делала это как-то вкусно, так же вкусно, как и готовила. Малая ела немного, но, наверное, так дети и едят, хранитель не знал. Детей у него не было. Где-то у плиты хрустел «кусяшками» Чейз.

Поначалу ели молча, день был долгий и все проголодались. Да и рагу с уткой было отменным.

– Там в коридоре... Это был морок. Он защищает от незваных гостей и гости говорят то, зачем пришли на самом деле.

Хранитель поперхнулся.

Ведьма засмеялась:

– Не переживай.

Хранитель не смог скрыть смущения.

– Всё хорошо, милый, – она протянула руку через стол и едва коснулась пальцами его руки.

Хранитель поднял глаза. Она смотрела на него с такой нежностью, что казалось, сама винит себя за эту лишнюю защиту.

– Прости, но я не могла снять защиту снаружи, я думаю, ты понимаешь. Я сегодня переставлю её и впишу тебя в нашу книгу.

Не показалось. Она действительно чувствует себя неловко, оттого, что неловко ему в её доме.

– Я не ради этого, пойми, – попытался он исправить ситуацию, ведь это он гость и она не обязана подвергать опасности себя и дочь ради него. Кто он, по сути... Не муж, не спутник жизни, не родня. Хранитель – абстрактная единица ещё мало знакомого ему мира, в котором он вроде живёт тысячи лет, но, чёрт возьми, ничего об этом не помнит. Ничегошеньки.

Она слегка прикрыла глаза и кивнула, соглашаясь. Убрала руку.

– Доедайте, ещё десерт, – уже другим голосом сказала она.

Хранитель головы не поднял от тарелки, хотя и чувствовал: она смотрит на него, пристально, чуть улыбаясь, чуть иронично.

«Не палимся, просто едим!» – скомандовал он себе, сосредоточенно ворочая вилкой рагу.

Глава 15. Кто мироздание сотворил

Хранитель проснулся от того, что рука затекла. Он попытался её поднять, но понял: на ней спит она. Нельзя будить. Пусть спит. Он покрутил головой, чтобы хоть чуть-чуть размять мышцы шеи и проснуться. По телеку шла какая-то космическая муть. Дискавери. Спросонья не разобрать.

Где пульт? Где телефон? Часы? Который час?

Ещё немного покрутив головой, он увидел пульт на диване, почти в ногах у ведьмы. Не дотянуться. Да и незачем. И так хорошо. Он попытался сосредоточиться на телевизоре, чтобы отвлечься от замлевшей руки и дать ей выспаться. Какой-то седой улыбочивый мужик рассказывал что-то о квантовой физике, а хранитель перебирал в голове кадры прошедшего дня.

Как-то всё было невероятно и просто. Так легко и органично, что это пугало. То ли так и должно быть, когда это всё настоящее, когда нет необходимости ничего изображать. Играть, распушать хвост и делать авансы. Всё ровно так, как будто они прожили уже рядом жизнь, большую. Очень большую, и всё идёт легко и просто. Легко и просто. Просто идёт своим чередом. Но ведь это их первый день вместе и они даже не решали и не обсуждали. Что он будет, этот день. Они просто в нём живут и не расстаются и даже не обсуждают, что кому-то – ему – пора бы домой. Наверное, так и должно быть. Нет, точно. Так и должно быть. У всех. Как только это приходит, ощущение, что ты на своём месте. Всё. Надо всё бросать и оставаться. С теми людьми, которые тебе его дают. Не дарят. А дают. Безоплатно, безвозмездно. Всё. Ты дома.

Сколько времени прошло, он не знал. Перед глазами проносился ушедший день, периодически к нему примешивались кадры из телека, где неслись в космосе бесчисленные звёзды и планеты, клубился какой-то разноцветный туман, что-то пульсировало и рвало мироздание на части. Ему хотелось разбудить ведьму и спросить, что из этого правда, а что учёные придумали по незнанию. Но боялся. Представлял, как она с ухмылкой пристально смотрит в экран, порой широко улыбается, когда оттуда проповедуют какую-то вселенскую чушь. Она ведь знает, как оно там. Точно знает, где на незримых просторах Вселенной скрыт тот самый Исток, как он выглядит издалека и как изнутри. Хотя, если верить тем же учёным, центр мироздания от нас неизмеримо далёк и как бы он не выглядел на самом деле, нам в телевизоре покажут только красиво раскрашенную фантазию киношников в купе с возможностями компьютерных программ. И никто ныне живущий так и не узнает, как он выглядит, Исток, на самом деле, только если не окажется у Него. Или в Нём.

Ведьма пошевелилась, повернулась на спину и медленно лениво потянулась.

– О, я отлежала тебе руку, прости, – она приподнялась на локте и посмотрела на своего хранителя. – О чём думаешь?

– Как правильно: в Истоке или у Истока?

– Серьёзный вопрос. Доберёшься до дома, сам поймёшь. Он будет в тебе, а ты в нём. Это неразрывно, едино, прекрасно.

– Странно это. Ты так рассказываешь, что хочется прямо бросить и умереть. Нет, ты не думай. Я не в прямом смысле. Просто пока не соображу, как ты... ну, туда попадаешь отсюда.

– Научишься. Поверишь, сам попадёшь. Это любовь. Абсолютная. Она чистая и безграничная. Вот эта безграничность и позволит тебе легко туда попасть. Дорога будет всегда открыта, ты всегда-всегда будешь чувствовать связь с домом.

– Эх, я тебя понимаю, но ничего не понимаю.

– Нормально. Всё придёт. Если честно, я сама не понимаю, почему с тобой так. Я тоже думала, что ты с самого детства будешь знать меня и искать. Это такое необыкновенное чудо, что просто не передать. Ты живёшь в предощущении его и вдруг через много-много лет встре-

чаешь того, кого видишь во сне, встречаешь в мире духов. Ждёшь, когда сможешь вот так смотреть на тебя, взять тебя за руку...

Он нежно притянул её к себе и поцеловал.

– И это тоже... – прошептала она.

Хранитель закрыл глаза и почувствовал, как проваливается сквозь диван. Он глубоко вздохнул и было потянулся назад, чтобы избавиться от этого наваждения, но вдруг почувствовал, что тело его вертикально, хотя под ногами не было никакой явно ощутимой опоры. Он пошарил руками перед собой, повертел головой и вдруг сообразил, что глаза его плотно закрыты. Он размежил веки и обомлел. Вокруг него, буквально со всех сторон: сверху и снизу, слева и справа – был свет, что-то почти непрозрачное, неосязаемое, искрящееся окружало его. Он с опаской посмотрел под ноги. Там тоже был белый искрящийся золотом свет. Хранитель осторожно переступил с ноги на ногу, подошвы не почувствовали никакой опоры. Его бросило в жар. Показалось, что сейчас он рухнет через этот белый туман куда-то в ещё более неизведанное, но почему-то не такое безопасное, как это.

– Что это? – откликнулся испуганный мозг.

– Исток, – прозвучало где-то в груди.

Хранитель схватился за сердце. Было странно, что голос звучит не в голове, ни откуда-то извне, а прямо в сердце. Даже немножко больно.

– Не бойся. Где есть любовь – боли нет.

Хранитель слегка скептически повёл бровью.

– Это не настоящая любовь. Это страх одиночества. Страх быть отвергнутым. Но не любовь. Разве Её любовь причинила тебе хоть каплю боли?

Странно как этот голос, почти напрочь лишённый эмоций, такой глубокий и ровный несколькими словами взорвал что-то в душе хранителя и разметал по всему его брэнному телу. Боль, страх, одиночество, любовь, нежность, снова боль и рвущее душу счастье, отчаянье, ревность, жажда, желание, снова нежность, снова боль. Хранитель с трудом держался на ногах. Что происходило, он не мог понять. Перед глазами метались сотни движущихся картинок из его жизни, каждая несла глубочайший эмоциональный удар, как будто в одну секунду на него обрушивался весь тот шквал чувств, который можно было пережить за годы отношений, за месяцы болезни, за дни страданий и годы одиночества. На острие, на самом пике эти эмоции врезались в его сердце и душу как сотни огненных метеоров и рвали всё внутри в клочья. Лица, руки, слёзы, упрёки, поцелуи, объятия, удар, кровь, боль, стук молотка о гвозди в крышке гроба, вой ветра, визг тормозов, плачь и стоны, волны боли своей и чужой накатывали одна за другой. Кровавый меч перед глазами, лошадь на дыбы, водоворот, сиреневый небосвод с несколькими огромными лунами, падающее тело незнакомого существа в металлической коже, какая-то синяя рука с шестью пальцами гладит мёртвое лицо, взрывы звёзд, огонь, свинцовое море катит густые вязкие волны, они встают выше неба и сминают хранителя, снова взрыв, падение с неба куда-то в изумрудное колышущееся нечто, синее безбрежное небо, адский холод, горы выше облаков, спокойствие и безмятежность, нежность, розовый закат, счастливые люди водят хоровод на берегу моря, нет, это не люди, но они счастливы, они любят и любимы, от них исходит такая волна любви и нежности, что хочется бежать туда и нырнуть с головой. Руки поднимают из колыбели младенца, он смеётся и сучит ножками, старушка чертит в воздухе крест и вытирает слезу. По берегу реки в тумане бредут лошади – ночное, слегка влажно и зябко, выются комары, безмятежное детское счастье, желание обнять землю. Космос, холод. Какая-то планета сверху. Безграничная любовь. Желание обнять её всю. Любовь. Абсолютная любовь к каждому живому существу на планете, травинке, букашке, человеку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.